

Александр Ралот

ВСЯ ВЛАСТЬ ЛЕВИАФАНУ !

Историческая проза

2015

От автора

Я мельник, и с этим уже ничего не поделаешь. Всю жизнь я занимаюсь тем, что перемалываю зерно в муку. Ну, а на всех наших мельницах, как и полагается, водятся, сами знаете, кто. Правильно - черти, лешие и прочая всякая нечисть. Куда ж без нее? Кто-то же должен тяжеленные жернова крутить? Правда, в книжках пишут, что

этим занимается вода и ветер. Ну, а их кто на мельничные колеса гонит? В общем, дорогой мой читатель, тебе и так все понятно.

Как у всякого человека, немало повидавшего на своем веку, есть и у меня хобби. Нет, я не коллекционирую марки или монеты, и не строю макеты знаменитых кораблей. Я обожаю историю, любую - и Древний Рим с древней Грецией, и Рюриковичей, ну и, само собой, всю трехсотлетнюю династию Романовых.

Вот, сижу я как-то теплым летним вечерком у себя на мельнице. Любуюсь через открытое окошко дивным закатом, мечтаю о новом помоле, что бы, значит, мука получилась еще лучше, а, следовательно, хлеб из нее вышел еще вкуснее и душистее. Вдруг слышу вопль нечеловеческий, аж в ушах зазвенело. Отбросил я быстренько мечты свои красивые и бегом к жерновам.

И точно, застрял этот самый, ну, знаете кто - с рогами и копытами, меж жерновов. Еще минута - другая и предстанет он перед своим создателем в самом, что ни на есть раздавленном виде.

Сжалился, вытащил я его оттуда. Избавил, выходит, от смерти лютой, не человеческой. Хоть тварь не нашего рода-племени, а все же живое существо. Тем более, издревле рядом с нами, с людьми обитает.

Сидит он, значит, весь помятый, пяточком шмыгает. В себя приходит. Отдышался и говорит:

- Не буду я тебя за свое спасение благодарить. Не принято у нас, понимаешь, людям благодарности раздавать. Не по-нашему это. Ты уж не обессудь. Я вот погляжу, ты историю дюже любишь? Ну, так я тебе одну историю поведаю - про марку хитрую, заговоренную. Узнаешь, как оно было на самом деле.

Всю ночь нечестивый мне про марочные дела рассказывал, а я тайком всё на диктофон записал. А затем на бумагу и перенес.

Вот так эта книжка на свет и появилась. Ежели я там чего от себя присочинил, так ты, читатель, не обессудь. Я же мельник, мне можно...

***

ВСЯ ВЛАСТЬ ЛЕВИАФАНУ!

Глава 1.

По промозглому осеннему Невскому проспекту столичного града, ехала казенная пролетка. Служивый кучер нахлестывал чахлую кобыленку, но это помогало мало, сидящий сзади господин опаздывал

на важную встречу и уже жалел, что поехал на пролётке почтового ведомства, а не взял лихача.

Арсений Николаевич Ягодин, начальник отдела Санкт-Петербургской почты, вдруг неожиданно был зван к самому министру двора и уделов генерал-фельдмаршалу Адельбергу. Чем вызвано такое приглашение, Арсений Николаевич не знал и сейчас, кутаясь в пальто на ватине с меховым воротником, перебирал в уме все свои возможные прегрешения и промахи по службе. Дело свое он любил, был человеком педантичным и аккуратным. За свой век самостоятельно, без протекции, дослужился от простого столоначальника до начальника отдела. Среди сослуживцев пользовался заслуженным уважением. Была у него одна страсть - любил живопись, общался со столичной богемой. Но разве это повод для столь срочного вызова к министру?

Наконец, тощая кобыла доставила их к нужному подъезду.

Арсений Николаевич почти бегом поднялся на второй этаж.

- Проходите, пожалуйста, - приветствовал его, вставая со своего места, секретарь. - Владимир Федорович уже изволили интересоваться, не прибыли ли?

Дверь за Ягодиным бесшумно закрылась.

- Арсений Николаевич, - произнёс министр, не вставая со своего массивного кресла. - Признайтесь, удивлены моим приглашением?

- Да уж, - как-то не решительно ответил Ягодин.

- Да вы, голубчик, не стесняйтесь, присаживайтесь. А позвал я вас вот для чего. Изучил я намеренно ваш послужной список. Похвально, служите усердно. Надо бы вас к ордену представлять за выслугу и достойное рвение. Однако, чин у вас маловат, годы идут, семьёй, я так понимаю, вы не обзавелись. Я всё правильно излагаю?

Ягодин съёжился и кивнул головой.

- Посему, не будем терять время, - продолжил министр. - Предлагаю вам отправиться на Кавказ. Нет, не в ссылку, Боже упаси! С повышением, батенька, с повышением. Здесь в наших слякотных местах чинов ох, как долгонько дожидаться приходится. А я предлагаю вам пост главного почтмейстера славного города Т. Это, я так понимаю, чина на два, а то и на три более вашего нынешнего. Дело вы свое знаете, а там город растущий; опять же, море рядом, всякие иностранные почтовые отправления. Кому, как не вам это дело там поднимать? Опять же, солнце, море, фрукты, да и местный женский контингент, - министр погладил свои седые усы. - Ох, как привлекателен. Глядишь, женитесь и еще и наследниками обзавестись успеете до пенсионера.

Глава 2.

Прошло полгода. Ягодин полностью обжился на новом месте. Работы действительно было много, количество писем и посылок возрастало с каждым днем, доставкой всего этого занимались разного рода рассыльные, многие из которых грамоте не обученные. Деньги за полученные почтовые доставки поступали плохо. Рассыльные, как могли, хитрили, а у многих получателей и вовсе денег не хватало - отдавали письма за так или за «спасибо».

Арсений Николаевич, внимательно изучая иностранное почтовое дело, знал, что в заморской Англии уже давно знаком почтовой оплаты служит специальная марка, и покупает её отправитель. Без этого его корреспонденция к пересылке не принимается, а получатель письма сам не несет каких-либо денежных трат.

Набрался смелости, да и отписал Адельбергу свою идею-предложение: провести в городе Т эксперимент по внедрению почтовой марки, а в случае удачи - распространить сей почин на всю Русь Великую.

Идея генерал-фельдмаршалу понравилась, пополнить почтовую казну таким способом ему показалось весьма заманчивым и в город Т был незамедлительно отправлен соответствующий циркуляр.

Дело оставалось за малым - в кратчайший срок изготовить эти самые знаки почтовой оплаты, то бишь - марки. Не мудрствуя лукаво, почтмейстер выписал из Петербурга своего давнишнего знакомого - художника Андрея Морова или Андре Моро, как он сам представлялся при знакомстве, намекая на наличие в его крови некоторой французской примеси.

Заказ на изготовление эскиза марки был выдан незамедлительно, дом для художника был снят в самом центре города, внушительный аванс выплачен. Ягодин не любил откладывать дела в долгий ящик, тем более, что идея захватила его полностью. Неделя ушла на согласование изображения. Почтмейстеру хотелось, что бы на первой марке красовались герб Российской Империи или профиль государя императора, как на старинных римских монетах. На том и порешили.

Глава 3.

Художник давно был одержим работой. Он любил рисовать портреты, недурственно изображал пейзажи, обожал писать натюрморты, но кроме этого он так же был одержим и женским полом. Ну, что тут скажешь - французская кровь, она и на Кавказе себя

проявит. Так что в кратчайший срок Андре Моро изготовил несколько эскизов, которые были столь же быстро забракованы, а так же успел соблазнить нескольких местных девушек не искушенных в особенностях столичного политеса. Но вот с одной из представительниц прекрасной половины у Моро вышла осечка.

Софико Асатиани была выходцем из очень древнего, но обедневшего грузинского рода, красоты неопишуемой, поведения соответствующего. Одним написанием портрета, как в подобных случаях происходило до этого, дело не закончилось. Девушка требовала серьезных отношений. От такой девичьей напористости художник был в полном восторге. *Perdre atête*, как говорят французы - просто потерял голову.

Софико и Моро стали желанными гостями в холостяцком доме Арсения Николаевича. Пока мужчины обсуждали особенности важного заказа, девушка готовила им великолепные кавказские закуски, а вино самых лучших местных сортов у почтмейстера имелось в достатке - с момента переезда в теплые края не переводилось.

Глава 4.

За такими занятиями прошла короткая южная весна. Наступило знойное лето, двери всех домов города Т почти всегда стали открыты. Местный люд знал друг-друга, ходили в гости запросто без приглашения, лихих людей почти не было, полиция своё дело знала, да и больших ценностей горожане не далекие года еще не нажили.

У Софико и Андрея дело двигалось к свадьбе. Молодые люди подолгу гуляли в окрестностях города. Моро много рисовал, пейзажи Северного Кавказа были дивными, рисунки охотно раскупали заезжие купцы и негоцианты, что давало Андре неплохой дополнительный доход, который он охотно тратил на различные подарки для своей возлюбленной. Родители девушки весьма благосклонно относились к будущему зятю; будущее двух влюбленных выглядело безмятежным.

Поэтому в один погожий теплый вечер Софико без приглашения зашла в дом художника. Ходить она умела совершенно бесшумно, а посему решила сделать своему суженному приятный сюрприз. Но сюрприз получила она сама.

В кресле перед мольбертом сидела известная всему городу Зельда, девица весьма легких нравов, наряды натурщицы так же выглядели более чем лёгкими. Софико остановилась, затаив дыхание. Молодые люди весело переговаривались и целовались, делая перерывы в процессе рисования, все чаще и чаще.

Она не стала дожидаться развязки этого сеанса, выхватив из вазы большой букет цветов и швырнув их в лицо художника, выбежала из дома не простившись. Ее переполнял гнев. В одночасье рушились все планы на счастливое замужество и светлую жизнь с любимым человеком.

«Ну, как он мог променять меня на эту потаскуху? Нет веры ему и всем мужчинам в мире!». Девушка захотела пойти к родителям и всё им рассказать. Но не стала их расстраивать, да и внутренняя гордость кавказской женщины не позволяла ей выплескивать свою обиду наружу. Заламывая руки, она бесцельно бродила по своей комнате.

Всю ночь мозг девушки вынашивал идеи коварной мести. Она рисовала себе самые жуткие картины казни неверного жениха. Наконец, перед утром, девушка достала из комода старинное зелье их рода. Ещё бабушка рассказывала ее маме, а мама рассказала затем дочери, что род Асатианине простой, но ведет своё начало, аж от той самой знаменитой Медеи - дочери колхидского царя Ээта, жрицы самой богини Гекаты. А это значило, что по женской линии все дамы рода Асатиани знали жуткое заклинание, которое в сочетании с родовым зельем могло пробудить такое, противостояния которому наш мир еще не изобрел.

Забрав с собой зелье, она отправилась к знакомому дому. Дверь по-прежнему, как и у всех в этой округе, была открыта настежь. «Если он там, я ему всё прощу» - подумала девушка и вошла. Художника не было, на столе лежали перья, приготовленные для работы над маркой. Софико стала по очереди окунать их в склянку с зельем и шёпотом произносить страшное заклинание. Девушку охватил очередной приступ гнева. Окунув последнее перо, Софико выбежала, едва не расплескав остатки зелья из заветной склянки.

Глава 5.

Андре Моро весело провел эту ночь с Зельдой. Он пребывал в прекрасном настроении и, придя домой, решил закончить, наконец, работу над последним эскизом марки и завалиться спать.

Но перо само по себе, вопреки его воли, стало рисовать жуткого Левиафана. Огромные глаза, позволяющие видеть сквозь темную толщу воды, двойной ряд острейших зубов в огромной пасти, длинная тонкая шея, которую венчает огромная вытянутая голова. Художнику стало плохо, и он рухнул на пол, но перо не выпадало из его рук, словно приклеенное. Он так и умер, сжимая побелевшими пальцами в руке проклятое перо.

Промучившись до полудня и терзая себя за содеянное, Софико бросилась в дом художника. Моро лежал на полу без признаков жизни, девушка взглянула на стол и ужаснулась изображению Левиафана. Она попыталась уничтожить в огне и эскиз, и перья и уже протянула руку, но услышала шаги. В комнату, как всегда, стремительно вошел почтмейстер Ягодин. Оба застыли в немом молчании.

Арсений Николаевич склонился над другом и постарался вытащить из онемевшей руки перо, но не смог. Мертвые пальцы сжимали его намертво. Ягодин посмотрел на эскиз. Конечно, это было далеко не то, что он заказывал, но художник был его другом и он решил, что последний рисунок Моро станет первой маркой России. Таким образом он увековечит память об этом беспутном человеке, но очень талантливом художнике.

Софико захотела рассказать почтмейстеру всю правду и попросить его уничтожить и эскиз, и перья, но у нее так пересохло в горле, что она не смогла произнести ни слова. Приоткрыв рот, она присела на стул. Несколько минут сидела молча, лишь слезы катились из ее глаз. Несчастной девушке было жалко себя, жалко Андре, жалко тех людей, которые, ничего не подозревая, будут в дальнейшем страдать от этих чертовых марок.

Глава 6.

Почтмейстер передал эскиз граверу. Хороших печатных станков в городе Т не было, поэтому на лист бумаги помещалось только шесть эскизов марок.

Новинка стала пользоваться большой популярностью. Падкие до всего нового горожане раскупали марки и с удовольствием посылали друг другу письма и открытки. Количество несчастных случаев и смертей в тот год в городе возросло многократно. Сколько смертей произошло по вине этой марки в других городах и странах учету не поддается, так как с наличием у жертв этого клочка бумаги с их гибелью или увечьями никто не сопоставлял.

Через некоторое время, стараниями генерал-фельдмаршала Владимира Федоровича Адельберга, в Российской империи, наконец, появились государственные марки и хождение местной городской марки, как средства почтовой оплаты, было запрещено. Многие конверты и открытки с Левиафаном были выброшены или преданы огню, однако те, кто сохранил эти заветные клочки, дали своим потомкам заработать немалые деньги, ибо нет для филателистов большей радости, чем владение подобным раритетом.

Глава 7.

После описанных событий в доме художника, Софико тяжело заболела. Сотворённое зло действовало обоюдно как на других людей, так и на человека его создавшего. Целыми днями лежала она на кровати или сидела у себя в комнате у открытого окна, никого не желая видеть, и почти ничего не ела. Обеспокоенные родители вызвали доктора. Врач осмотрел больную и поставил точный диагноз:

- Последствие несчастной любви. Лечится сия хворь только подобным. Вашей дочери нужно срочно замуж.

Количество свах в городе Т в тот период превышало все допустимые нормы, конкуренция среди них была большая, а картотека потенциальных женихов и невест была всеобъемлющей. Этот факт и позволил старшим Асатиани довольно быстро сосватать дочь за хорошего человека - инженера местного завода Казимира Крулевского.

В отличие от нынешних времен, в то далекое время дети еще не смели ослушаться воли родителей в таком важном вопросе. Приданное за дочерью водилось небогатое, но инженер Крулевский был из прогрессивной польской семьи, тем более, что в девушку влюбился буквально и с первого взгляда.

Свадьбу сыграли не мешкая, и молодые уехали в свой медовый месяц на Минеральные воды, а по возвращению поселились в квартире инженера. Прав оказался доктор, не сразу, но Софико поправилась и расцвела той женской красотой, которая возможна, когда рядом любящий человек и в доме присутствует семейный финансовый достаток. А любовь... Любовь, конечно, была, как говорится - стерпится-слюбится.

Однажды молодая пара, взявшись за руки, прогуливалась в городском парке. В тенистом пруду парка плавали грациозные лебеди. Отдыхающие горожане катали на весельных лодках своих дам, укрытых от солнца кружевными зонтиками или пили ароматный кофе в уютных кофейнях. На лавочках под раскидистыми деревьями, проходили многочисленные шахматные турниры. Только на одной лавочке одиноко сидел седой сутулый человек в мундире государственного служащего. Именно его и заметила Софико.

- Казимир, пойдем скорее, я познакомлю тебя с очень интересным человеком, - сказала она и повела супруга к скамейке.

Почмейстер Арсений Николаевич Ягодин за прошедшее время сильно изменился, болезненный цвет лица говорил, что со здоровьем у начальника почты серьезные проблемы.

Он очень обрадовался, увидев старую знакомую. Мужчины долго и обстоятельно беседовали на тему государственной политики, возможной войны с турками, затем все зашли в кафе и просидели там до вечера. Почтмейстер на прощание записал новый адрес молодых и пообещал прислать им приятный сюрприз.

На следующий день почтовый служащий-подросток, принес в дом Крулевских пакет. Казимир находился на работе и женщина, дав парнишке мелкую монету, с нетерпением вскрыла посылку. В ней лежали наброски и портреты с изображением счастливой Софики, выполненные рукой покойного Андре Моро, а так же лист с шестью марками с изображением проклятого Левиафана. Портреты были очень хороши, но настроение молодой женщины испортилось напрочь.

Все полетело в огонь, только вот лист с марками Софики, одев предварительно перчатки и взяв двумя пальчиками, спрятала за образ Георгия Победоносца, перед этим аккуратно вырезав одну.

Женщина пошла в лавку и купила одну почтовую открытку и пару государственных марок. Через несколько дней она уже знала нужный ей адрес. Наклеив на открытку клочок бумаги с изображением Левиафана, а затем сверху пару государственных марок, она написала все, что было у нее в тот момент на душе, и без промедления отнесла открытку на почту.

В тот же вечер Казимир пришел домой с радостной вестью - руководство компании решило перевести его на работу в Москву.

На сборы ушла неделя.

Карета с пожитками семьи Крулевских ехала по узким улочкам города Т в сторону железнодорожного вокзала. Навстречу им медленно двигалась похоронная процессия.

- Ох, не к добру это, - тихо произнесла Софики, - Не будет нам счастья на новом месте и потрогала свой живот, ребеночек уже давал о себе знать.

- Кого хоронят? - высунувшись из кареты, спросил Казимир, и через пару минут, повернувшись к жене, пояснил:

- Какая-то девушка по имени Зельда. Умерла, говорят, совсем молодая еще. Ты ее часом не знала?

Софики ничего не ответила, а про себя подумала: «Если родится девочка, я передам ей и зелье и магическое заклинание».

Глава 8.

В положенное время у четы Крулевских родилась девочка. Софики с Казимиром долго не могли договориться на счет имени дочки: отец

хотел, что бы девочка носила польское имя Марыля, мать хотела назвать дочку в честь грузинской царицы Тамары. В итоге сошлись на имени прародительницы рода Асатиани - Медеи. Священник в церкви долго не хотел записывать такое богонеудобное имя в церковную книгу, но Казимир пригрозил ему, что они тут же отправятся в костел и дочь будет католичкой. Поп сдался и благословил новую православную душу со странным именем Медея.

Девочка росла здоровым и смышленным ребенком, гены ей достались хорошие, поэтому впитывала она в себя все знания, как губка. Заработок главы семейства позволял супруге полностью заняться воспитанием дочери, а в помощь по хозяйству была нанята прислуга - Вера Марковна, женщина образованная и кухарка каких еще поискать надобно.

Со временем Казимир продвинулся по службе и занял хороший пост в администрации предприятия. Все было ладно в их семье, только стали появляться к тому времени, странные люди, называющие себя народовольцами. И желали те люди, ни много не мало, а нового царя батюшку, доброго и справедливого - не чета, нынешнему.

Вечерами, после работы, супруг читал газеты и высказывал Софико свое мнение по последним событиям в Москве и в столице. Его взгляд на революционную деятельность был однозначно-отрицательный, но ему очень хотелось, что бы его родная Польша, наконец, обрела долгожданную независимость. Он уже несколько раз намекал жене, как было бы здорово поселиться им втроем где-нибудь в пригороде Варшавы, прогуливаться по берегу Вислы и пить кофе в старинном ресторанчике на Свентояньской улице.

В Варшаву можно было перебраться и сейчас. Работа для такого специалиста, как Казимир, там бы, наверняка, сыскалась, но ему хотелось большего, ему хотелось, что бы Польша стала как и прежде объединенной и независимой.

Однажды вечером супруг вернулся с работы не один, а с молодой дамой лет двадцати пяти.

- Этери, - представилась незнакомка, - Я тоже с Кавказа, как и вы.

Казимир попросил Веру Марковну принести им чаю в кабинет и закрылся там с гостьей.

Софико уселась у окна, хорошее настроение было испорчено окончательно. В голове крутилась мысль: «Неужели опять, неужели все повториться? Это мне с того света мстит подлая Зельда. А может эта Этери и есть ее воплощение?».

К ней незаметно подошла Медея.

- Мамочка, а ты чего грустишь? Папа разговаривает с незнакомой тетей, а тебя не позвал, из-за этого? И она быстренько уселась на коленях матери.

- Давай, мамочка, пока они там разговаривают, ты мне сказку считаешь.

- Нет, дочка, - грустно ответила Софико, - У меня для тебя другое предложение. Пойдем в чулан, посмотрим, может какие-нибудь волшебные вещи разыщем.

- Ура! Пошли быстрее, - воскликнула Медея и потащила мать к чулану.

Девочка перебирала старые вещи, протирая их от пыли влажной тряпочкой, а мама искала заветную шкатулку. Наконец, она ее нашла и, отвернувшись от дочери, открыла. Флакончик, оказался открыт, заветного зелья в нем не было.

Прошло уже немало лет с тех пор, как Софико последний раз брала его в руки: долгий переезд в Москву, а затем еще много событий, и женщина забыла о флаконе. Возможно, она тогда, второпях, его неплотно закрыла, но факт остается фактом, теперь у нее не было очень важного компонента.

Женщина стояла и печально смотрела на старинный темный предмет. Конечно, в ее голову на мертво вписаны слова страшного заклинания, которому ее научила мать, но они способны только усилить действие зелья или предмета, на котором есть частицы этого зелья. Но вот создать новые магические предметы без жидкости уже не возможно.

Софико постаралась себя успокоить, вполне возможно ей никогда не понадобятся ни оставшиеся пять марок, ни слова заклинания. Может быть эта девушка Этери действительно приходила к мужу по делу, и вот сейчас она выйдет из чулана и ее встретит улыбающийся Казимир, и все будет как прежде. Она взяла дочку за руку и повела в комнату. Там Вера Марковна накрывала на стол, супруга не было.

- А где супруг? - спросила Софико.

- Пошел провожать гостью, - ответила женщина, - Сказал, что скоро будет.

Глава 9.

Ужин проходил в полном молчании. Наконец, Софико не выдержала:

- Ты не хочешь мне ничего объяснить? Являешься домой с молодой особой, закрываешься в кабинете, а сейчас молчишь. В чем, в конце концов, дело? Могу я знать?

Голос ее звенел, а щеки покрылись румянцем.

- Конечно, можешь, - спокойно ответил Казимир. - Успокойся, я тебе все объясню, чуть позже. Пусть дочка поест спокойно и пойдет к себе.

Оставшись вдвоем после того, как маленькая Медея уснула, Казимир привлек к себе Софику, ласково обнял и, глядя в ее глаза, ласково произнес:

- Какая же ты, у меня ревнивая, аж жуть. Я уже боюсь. С тобой надо быть крайне осторожным, того и гляди отравишь и меня, и соперницу, - и улыбнулся.

Он и не подозревал, как его слова близки к истине.

- Понимаешь, - продолжал супруг, - эта девушка из народовольцев. Им нужна моя помощь, как инженера, вот я и думаю, помогать им или нет? То, что они затевают, ужасно, - продолжал он. - Но этот их кровавый путь, возможно, приведет к свободе моей страны.

- Казимир, но ведь это очень опасно, - возразила Софики. - Тебя могут сослать на каторгу или вообще убить. Ты о нас подумал?

- Вот думаю..., - тихо ответил мужчина. - Сильно думаю. И все же я помогу им. Пойми, это мой долг. Не помогу я, обязательно помогут другие, а я буду себя призирать.

В комнате воцарилась тишина.

Глава 10.

Время летело незаметно. Медея росла и уже превратилась в рослую красивую девушку, на которую начали заглядываться студенты и молодые служащие близ лежащих контор и лавок.

Софики приобрела большой кованный сундук и стала собирать дочке приданое. Она помнила свое сватовство и ей очень хотелось, что бы у ее девочки все было по-другому.

Народовольцы различных политических платформ взрывали и убивали чиновников всех рангов, неоднократно покушались и на государя императора. Слава Богу, пока не удачно.

В Польше вспыхнуло восстание и в очередной раз его жестоко подавили.

Казимир ходил хмурый и тайком от жены переводил деньги в помощь пострадавшим от репрессий.

Однажды, когда они с супругой прогуливались по улице, по сложившейся привычке взявшись за руки, к ним подошел незнакомый хорошо одетый господин и, не представившись, быстро спросил:

- Вы господин Крулевский?

- Да, - ответил Казимир.

- У меня мало времени, - быстро заговорил незнакомец. - Уезжайте, как можно быстрее, уезжайте и подальше.

- В чем дело? – вспылила Софико.

Незнакомец ничего не ответил, быстро отошел в сторону и зашагал в противоположном направлении.

А на следующее утро за Казимиром пришли жандармы.

- Господин Крулевский, вы арестованы.

Растерянная Софико опустилась в кресло.

Начались бесконечные стояния в очередях к окошку Бутырской тюрьмы, в которое молодые и старые женщины просовывали узелки с передачами своим близким.

Начались поиски хорошего адвоката и прочие хлопоты жены арестанта. Деньги быстро таяли. Таяло и здоровье самой Софико. Она простудилась и кашляла все сильнее и сильнее.

Несколько лет назад, проживая ещё в городе Т, она познакомилась с молодым английским врачом Джоном Олдманом, а спустя несколько лет он, вслед за Крулевскими, перебрался в белокаменную и иногда захаживал в гости к старым знакомым.

Почувствовав себя совсем плохо, Софико попросила дочь сходить за доктором Олдманом, искренне надеясь, что англичанин по старой дружбе не возьмет денег за свой визит.

Глава 11.

Джон прибыл незамедлительно, осмотрел больную и вынес свой вердикт:

- Не буду от вас скрывать, дорогая Софико, у меня серьезные подозрения на чахотку. Вам надо срочно уезжать домой на юг и лечиться, лечиться и лечиться. Иначе...

Он замолчал. Софико и сама понимала, что иначе.

Как уехать, когда скоро суд над народовольцами и ее Казимиром?

Адвокат требует денег все больше и больше. Она уже продала почти все драгоценности, которые ей когда-то дарил супруг. Да и лавочникам задолжала изрядно. Дочь постоянно сидела у её ног, положив голову на колени матери.

- Мама, - однажды сказала девушка. - Я пойду работать, семье ювелиров Давоян нужен переводчик с польского и английского и секретарь. Может быть, они меня возьмут.

- Медея, - тихо ответила мать. - Ювелирный дом Давоянов находится на противоположном конце города, как ты туда будешь каждый день добираться? Ты об этом подумала?

- А что делать, - грустно ответила дочь. - Я уже с ними разговаривала, они выделяют мне комнату, буду жить у них. А тебя буду навещать, как только смогу. Зато у нас будут деньги.

- Дочь, послушай меня внимательно. Все может произойти, поэтому, наверное, настало время тебе кое что узнать о тайне семьи Асатиани.

И София рассказала дочери о заклятии, заставив девушку заучить проклятие и о зелье, которого, увы, уже нет. Не рассказала лишь о художнике Андре Моро и девице Зельде.

Через неделю суд, выслушав аргументы адвоката, вынес не смертный приговор, а все лишь пожизненную каторгу подданному Российской Империи, поляку по происхождению, Казимиру Крулевскому с отбыванием наказания на острове Сахалин в ссыльной тюрьме города Паранайск.

Глава 12.

Спустя несколько дней Софико случайно встретила на улице Этери. Прошлой неприязни у нее больше не было. Женщины обнялись, как старые знакомые. Горе объединило обеих. В соседней кондитерской за чашкой чая Этери на одном дыхании выпалила, что в их организации выявили предателя, который и выдал всех, кого знал. А Казимир не выдал никого. Его, как самого образованного, признали организатором, хотя он всего лишь изготавливал бомбы, а в терактах участия никогда не принимал и сам никаких бомб не бросал. Теперь вот задача Этери, по решению товарищей, уничтожить предателя.

- Ты мне вот так запросто все это рассказываешь? удивленно спросила Софико.

- Конечно, - ответила Этери. - Вы же жена Казимира, значит, как и он, никого не сдадите. К тому же я не знаю, как уничтожить предателя. Просто так застрелить из револьвера человека, пусть и предателя, у меня рука не поднимется, а бомб у нас теперь больше нет. И вы еще моя землячка. Кому же мне все это еще рассказать? - выдохнула девушка.

- Я тебе помогу, - вдруг неожиданно для самой себя сказала Софико. - За мужа моего отомсти, - и добавила совсем тихо:

- Пожалуйста. Завтра, здесь же, на этом самом месте, жди, - и молча, не попрощавшись, вышла.

На следующий день она принесла девушке конверт с маркой Левиафана.

- Что это? - спросила Этери. - Деньги?

-Нет, гораздо хуже, - ответила Софико. - Это смерть.

- Что? - не поняла девушка. - Какая смерть?

- Приложи конверт к краю своей чашки. Просто приложи, только ничего из конверта не доставай.

Девушка в полном недоумении поднесла конверт к чашке, та вдруг подскочила и опрокинулась на юбку Этери, выплеснув горячий чай.

- Теперь понятно? - спросила Софико.

- Нет, - ответила девушка. Руки ее дрожали мелкой дрожью, на лбу выступил холодный пот.

А через несколько дней в «Московских новостях» появился некролог:

«Некий господин N скончался у себя дома, без видимых на то причин. Третье охранное отделение, скорбит об этом прискорбном событии и выражает глубокие соболезнования родным и близким покойного».

У Софико осталось только четыре марки. Она собиралась домой, в родной город Т. Молодая переводчица и секретарь Медея Крулевская приступила к своим обязанностям в ювелирном доме семьи Давоян.

Глава 13.

Прав оказался английский врач Джон Олдман, не смотря на родной климат и помощь стариков родителей, Софико прожила недолго. Не умели тогда лечить в нашей стране, да и в мире, такую страшную болезнь, как чахотка. Похоронили ее на городском кладбище, совсем недалеко от могилы какого-то заезжего художника Андрея Морова, могила которого уже совсем заросла высоченной травой и лишь верхушка православного креста все еще возвышался над холмом.

Медея долго стояла, склонившись над могилой матери, обнимая одной рукой совсем седого деда, а другой - сухонькую бабушку в старинном, совсем не модном чепце.

- Внучка, ты это, - глотая слезы, начала старая женщина. - Ты поскорей замуж-то выходи, да сюда перебирайтесь. Чего тебе в той сырой Москве теперь делать? Будете нам с суженным своим помогать.

Сейчас, я знаю, там у вас в столицах свахи-то не в почете. Сами себе пару ищите, по современному. Или я не права, а, внучка?

Девушка ничего не ответила.

Медея прожила некоторое время у стариков, а в аккурат через сорок дней, пришла телеграмма из Москвы. Ювелиры Давояны вызывали девушку к себе, дела торговые требовали ее незамедлительного присутствия.

Глава 14.

Так уж сложилось, что самым близким человеком для одинокой девушки оказался господин Джон Олдман. Помогал он ей, как мог. Сначала из чувства вины перед покойной матерью, а потом как-то так само собой получилось, что Медея незаметно оказалась самой желанной. Да и ей внимание известного в Москве врача было более чем приятно. По осени сыграли скромную свадьбу. Джон было заикнулся несколько раз, что не плохо было бы Медеи оставить работу в ювелирном доме, но супруга была против - работа ей нравилась, да и лишний доход в семье помехой считать никак нельзя.

Возвращение в город Т потеряло всякий смысл. Старики после смерти единственной дочери прожили совсем не долго и ушли тихо друг за другом, вроде бы и не было их никогда на этой грешной земле.

Что связывало теперь молодую женщину с далеким кавказским городом? Три могилы, да еще малопонятная тайна, которую рассказала мать, и верить в которую как-то не хотелось совсем.

Глава 15.

Меж тем в ювелирном доме господ Давоянов происходил ужасный семейный скандал: был вскрыт и опустошен сейф в одном из магазинов. Дело, в общем-то, для ювелиров обычное. Товар в нем хранящийся был застрахован, больших убытков семейство не понесло, а посему полицию извещать не стало. Было решено разобраться с сим безобразием тихо, по-семейному.

Жил в этой семье, на правах родственника, племянник главы, молодой повеса Рубен Каренович Давоян. Молодой человек получил прекрасное образование, свободно изъяснялся на французском и английском, иногда помогая Медеи с переводами договоров, хорошо знал торговое дело. Ну, а ювелирные знания ему передались вместе прочими генами Давоянов. Однако, любил молодой человек покутить изрядно (для его возраста страсть обыденная). А еще был он заядлым

филателистом - за марки мог последний костюм с себя снять и отдать, вместе со штиблетами.

Пытался Рубен приударить и за Медеей, однако ничего не вышло, молодая женщина посмотрела на него таким взглядом, что у того, как-то сразу нехорошо засосало под ложечкой. Позже, когда увидел ее вместе с плечистым Джоном и узнал, что их секретарша не просто Крулевская, а еще и Олдман, то решил, что лучше ему эту даму иметь исключительно в друзьях и не более того.

При семейном расследовании хищений из сейфа, старый управляющий дома Давоянов, с молодых лет служивший при их ювелирных магазинах, ни минуты не колеблясь, показал на Рубена, как на основного виновника:

- В тот день изволили они приходить в изрядном подпитии и ключики от сейфа при них имелись. И, вроде бы, даже разговор слышал, что марки ему привезены были редкие, заграничные.

Таким образом, на этот раз семья безоговорочно поверила своему управляющему, а молодому Рубену было указано на дверь.

А через месяц-другой в славном граде Петербурге, появился новый ювелирный магазин «Рубен Давоян и партнеры». Еврейские ювелиры Рубена знали и ценили, несмотря на его молодость. Верили и в его коммерческую жилку. Так семейство Давоянов своими руками породило нового и серьезного конкурента.

Глава 16.

Однажды, отперев ключом свой кабинет в здании Ювелирного дома Давоянов, Медея к своему изумлению обнаружила в кресле дремавшего человека в хорошем костюме из английской шерсти.

- Вы, что тут делаете? - воскликнула девушка. - Я сейчас же охрану вызову, - и потянулась к колокольчику на письменном столе.

- Не надо охрану, - спокойно и невозмутимо ответил незнакомец. - Я к вам с добрыми вестями.

- Как вы вообще сюда попали, дверь ведь заперта?

- Ну, это самое простое и не надо об этом. Лучше присаживайтесь на свое кресло и почитайте вот это, - так же невозмутимо ответил мужчина, освобождая женщине место и отдавая мятый конверт.

Медея послушно села и начала читать. Это было письмо от её отца, но адресовано не ей, а Софико.

«Дорогая моя супружница, - писал из далекого острова Казимир. - Я здесь жив и здоров, чего и вам с дочуркой желаю».

По щекам девушки покатались слезы.

«Здесь, если женишься на местной или если к тебе приедет жена, то надзиратели разрешают покинуть каземат и жить в домах-поселениях. Посему все мужчины разом переженились на местных девках или на ссыльных дамочках, но мне это ни по католической, ни по православной вере никак не можно. Это грех великий есть».

Медея не вытерпела и в голос разрыдалась.

Мужчина молча протянул ей белоснежный накрахмаленный платок и тихо произнес.

- Я посижу у вас еще с полчаса. Если успеете написать ответ, я его переправлю, решайте.

Молодая женщина всхлипнула и стала писать о том, что мама умерла и он свободен, и праве выбрать себе местную женщину и жить там с ней, почти на свободе. Что она уже замужем за хорошим человеком-врачом и у них все хорошо, только вот деток пока нет. Что она все равно ждет его и будет ждать, сколько потребуетя и очень сильно его любит.

Она хотела написать еще много чего, но мужчина, молча протянул руку и забрал лист.

- Все, мне пора.

- Когда вы его увидите? Может мне сбегать на рынок, что-то купить и передать?

Мужчина улыбнулся:

- Не утруждайтесь, барышня. Кроме письма туда более ничего не дойдет.

Опустив голову, повернулся к выходу.

- Постойте, - окликнула его Медея. - Как вас звать-то? Скажите.

Уже у двери мужчина обернулся.

- Зовите меня Меркурием. Возможно, я еще смогу вам передать весточку. Ну, это как повезет.

Затем резко повернулся и вышел.

Медея весь день провела сама не своя. Вечером все рассказала супругу и показала письмо. Джон очень обрадовался.

- Значит, он жив! Следовательно, рано или поздно его помилуют. У меня для тебя тоже хорошая новость - я уезжаю в столицу, буду ассистировать в операциях самому Николаю Васильевичу Склифосовскому. Это большая честь для меня, и еще я там буду подыскивать жильё.

- Какое жильё? - не поняла жена. - Зачем жильё? Ты же после операции вернешься ко мне.

- Нет, дорогая, не вернусь...

Медея стояла и молча, хлопала глазами, не зная, что сказать.

- Не вернусь, - и помолчал с минуту, выдерживая театральную паузу, продолжил:

- Ты ко мне приедешь. Мы будем жить в Петербурге.

Закончив фразу, он поднял ее за талию и закружил по комнате.

Уже второй раз за этот день у Медеи на глазах заблестели слезы.

Глава 17.

Через месяц супружеская чета Олдман уже обживалась в большой уютной квартире на Гороховой улице.

Накупили кучу новых предметов домашнего обихода, и Медея с удовольствием командовала Джоном, что и куда расставлять.

- А икону святого Георгия, будь добр, повесь вон в тот угол. Да аккуратней ты, смотри не урони.

Супруг икону не уронил, он уронил конверт, спрятанный за иконой.

- Что это? - спросил супруг, наклоняясь за конвертом.- Любовная переписка?

- Не смей вынимать из него ничего! - почти закричала Медея. Она совсем забыла о нем, и только сейчас вспомнила рассказ матери.

- Подойди, сядь со мной рядом на диван и послушай. Я - ведьма, колдунья.

- А я в этом нисколько и не сомневался, - весело ответил Джон.

- Нет, ты не понял, я можно сказать, потомственная колдунья.

И Медея рассказала мужу все, что ей когда-то давно сообщила мать. На удивление спокойно и внимательно слушал ее супруг, переспрашивая и прося по подробней рассказать некоторые детали еще раз. Затем встал, подошел к книжной полке, открыл толстый фолиант серьезного медицинского издания и торжественно произнес:

- Когда-то давно я имел честь лечить почтмейстера славного города Т почтеннейшего Арсения Николаевича Ягодина. Денег я с него понятное дело не взял, так вот он меня одарил сим конвертом.

И Олдман, как фокусник, вытащил из книги похожий конверт, в нем лежал лист с шестью марками Левиафана.

- Я, было хотел продать марки московским филателистам, да потом решил, что с годами они будут стоить только дороже. Теперь, моя дорогая супруга, мы с тобой обладаем просто несметным и еще волшебным сокровищем.

Медея молча забрала у него конверт и положила рядом со своим за икону Победоносца.

- Не веришь, не надо. Я тебе все рассказала. А марки без меня не трогать. Время покажет, кто из нас прав.

Глава 18.

Чета Олдман осваивала столичный образ жизни. Известного врача, да еще и англичанина, с удовольствием приглашали на званые обеды и благотворительные балы, коих в ту пору в стольном граде было при великое множество.

На одном из таких вечеров Медея с Джоном повстречали своего давнишнего знакомого, преуспевающего ювелира Рубена Кареновича Давояна. Встреча вышла теплой с воспоминаниями былой жизни и закончилась приглашением Медеи поработать у Рубена в старой должности, но с новым более высоким довольствием. Женщина посмотрела на мужа, Джон помолчал немного и кивнул в знак согласия.

Через год у четы Олдман-Крулевских родился ребенок. Не надо иметь семь пядей во лбу, что бы понять, что это была девочка. Женская часть хромосом, как всегда в роду Асатиани, взяла верх над мужской. Опять традиционно встал вопрос - как назвать дочку? Имя должно было иметь и грузинские, и польские, и английские корни и, конечно же, должно быть исконно русским. После многочасовых дебатов с заламыванием рук и поисков во всех известных книгах, было выбрано простое имя бабушки Иисуса - Анны. На том и порешили.

Анна Олдман-Крулевская (Асатиани) была явлена всем приглашенным гостям, и самый шикарный подарок на первый зубик преподнес Рубен Давоян: на бархатной подушечке лежали сережки, маленькое кольцо с бриллиантами и изумрудами, а так же колечко, украшенное теми же камушками, но поменьше.

Между тем жизнь в столице Российской Империи была ключом.

После убийства Александра II Исполком «Народной воли» обратился к Александру III с письмом, обещая прекратить террор в обмен на Конституцию. Но волна репрессий, последовавшая после убийства Александра II, обескровила «Народную волю». Исполком был полностью разгромлен, 56 народовольцев заключили в крепость, 28 человек казнили, 500 были отправлены на каторгу. Последним актом революционной деятельности этой организации стала неудавшаяся попытка покушения на Александра III. Готовившие ее народовольцы, среди которых был и Александр Ульянов, были преданы суду и казнены.

Медея очень переживала за отца. От него больше вестей не было, да и Меркурий, наверное, не знает ее нового Питерского адреса. После рождения дочки Рубен с посыльным передавал ей работу на дом, и она урывками делала переводы и готовила нужные договора. Врачебные

дела вынудили Джона уехать на родину в Англию, и он оттуда писал, что вынужден будет задержаться надолго, просил приехать к нему с дочкой. Женщина все тянула с отъездом. Девочка росла болезненной, часто простывала и Медея боялась, что перемена климата скажется на ней губительно.

Глава 19.

Дела в сети ювелирных магазинов «Рубен Давоян и партнеры» шли успешно: контора расширялась и хозяин, в мягкой форме, требовал присутствия своей помощницы на рабочем месте. Медея долго искала няню для маленькой дочки, с тоской вспоминая свою старую Веру Марковну. Наконец, в ее доме появилась девка Анастасия из Псковской губернии, с соответствующим говором, грудным голосом и тяжелыми руками, привыкшими к нелегкому крестьянскому труду. Присмотревшись к новоиспеченной няне, Медея с тяжелым сердцем вышла на работу. В городе было беспокойно, то тут, то там собирались рабочие с окраинных заводов, балтийские матросы, полупьяные разгуливали по брусчатым мостовым. Женщине приходилось добираться домой на извозчике.

Рубен, заметив это, распорядился предоставлять женщине свой экипаж и несколько раз сам доставлял ее домой, сидя на козлах вместо кучера.

Он стал приглашать Медею на переговоры в качестве переводчика, хотя и сам владел языками превосходно. С каждым днем миловидная секретарша становилась босу все более необходимой. При этом ее гонорары так же возрастали. Анастасия со своими обязанностями справлялась превосходно: Аннушка была сыта и ухожена, уже вовсю щебетала на своем детском языке. Медея могла бы чувствовать себя счастливой, если бы не долгое отсутствие Джона Олдмана. Письма раньше приходили от него почти еженедельно, но сейчас поступали все реже и реже. В них он писал, что у него так же много работы, что работает он в королевской клинике и ему доверяют лечить особ очень высоких кровей.

Так незаметно прошла холодная Питерская зима и не менее холодная и слякотная весна.

Супруг по-прежнему в редких письмах настаивал на их приезде, Медея все так же опасалась за здоровье дочери, да и, наконец-таки, наладившийся быт менять на чужую страну, с чужими обычаями и языком ох, как не хотелось. Опять же Рубен и слышать ничего не хотел

о ее увольнении. Потихоньку, сама того не замечая, она становилась его правой рукой.

Через несколько дней Рубен Каренович Давоян собирался отметить свой юбилейный день рождения. Медея ломала голову, что подарить шефу? Понятное дело, никакими ювелирными украшениями его не удивишь. Она вспомнила о его великой страсти филателии и, наконец, решила подарить ему две марки с Левиафаном, рассказав предварительно о всех особенностях этих марок.

На торжестве ее подарок вызвал бурный восторг у юбиляра, а Медея была рада тому, что ей это не стоило никаких материальных трат. Улучшив момент, женщина рассказала Рубену все, что сама знала о них и предупредила быть с этим подарком крайне осторожным.

Глава 20.

Медея радостно впорхнула в квартиру, в руке было зажато долгожданное письмо от Джона.

- Почтальон отдал прямо на улице, - радостно сообщила она, взяла дочку на руки и закружилась с ней по комнате. Олдман писал, что получил, наконец, долгожданный отпуск и скоро прибудет в Петербург.

- Настя, давай быстренько собирай Аннушку, мы идем гулять в сад, - скороговоркой проговорила Медея и убежала в свою комнату переодеваться в соответствующий наряд.

Странно, но в близлежащем городском парке почти не было народа. Вечерело. Это был один из немногих дней, когда на большой город не опускался туман или не лил дождь.

На душе у женщины было легко и радостно, скоро они будут вместе и она, наверное, уговорит мужа, отказаться от лондонской практики и вернуться домой. За этими мыслями она и не заметила, как куда-то запропастилась Анастасия и что они с дочкой оказались одни.

- Стой, сука, и молчи, - раздался сзади хриплый мужской голос и Медея почувствовала как к ее горлу прикоснулась холодное и острое стальное лезвие. Во рту сразу пересохло, она хотела все же закричать, но из ее рта послышалось какое-то невнятное бульканье, затем на ее голову обрушилось что-то очень тяжелое, и она провалилась во тьму.

Сколько времени она пролежала на скамейке Медея не помнила. Когда пришла в себя, голова кружилась и болела нещадно, Аннушки нигде не было, а через две скамейки от нее так же беспомощно и как-то неестественно лежала няня Анастасии.

Кое-как поднявшись, женщина побрела к ней, вытирая с лица запекшуюся кровь.

Девушка была еще без сознания, ее так же ударили по голове и струйки крови, уже свернувшейся, стекали на лицо и шею. Рядом с ней лежал листок бумаги: «Придешь, завтра вечером к Исакию, принесешь все марки, тогда получишь дочь. И никакой полиции, иначе маленькая тварь сдохнет».

Почерк в записке был корявый, сама бумага отдавала запахом вяленой рыбы.

- Как жаль, что Джон еще не приехал. Как быть, кому рассказать о своей беде? – пронеслось в её голове. Женщина растолкала няню, но от той толку было мало - её ударили еще сильнее, чем Медею. Делать было нечего, женщина побрела домой.

Через час, кое-как приведя себя в порядок, она сбивчиво рассказывала Рубену о похищении дочери.

Глава 21.

Давоян внимательно слушал ее, расхаживая по кабинету.

- Сколько у тебя осталось этих чертовых марок, - наконец спросил он.

- Моих только две, остальные Джона, - тихо ответила женщина.

- Вот свои и отнеси, про остальные они наверняка ничего не знают. А я попрошу кое-кого из нашей охраны тебя подстраховать. Если что-то пойдёт не так, то они вмешаются.

Маргарита, всю ночь провела без сна. «И зачем ей достались эти чертовы клочки бумаги, лучше бы она их сожгла сразу после похорон матери, так нет же - хранила, как память. Что теперь с ее девочкой, где она?».

Она задавала себе вопросы один за другим и не находила на них ответа.

Кое-как дождавшись нужного часа и взяв две оставшиеся марки Левиафана, Медея поехала к собору. Как всегда, народу вокруг монументального здания было полным полно. Медея озиралась по сторонам в надежде увидеть кого-то с ее ребенком на руках. Но тщетно, толпа сновала из стороны в сторону, а к ней никто не подходил.

Уже почти стемнело, когда ссади раздался тихий женский голос.

- Принесла? Не оборачивайся. Я тебя знаю, а ты меня нет. Давай марки и ступай домой.

- А мой ребенок? - почти вскрикнула мать.

- Получишь ты его, мы детей не убиваем. Быстро давай конверт и езжай домой.

Медея не оборачиваясь протянула конверт с марками и услышала удаляющиеся шаги. Быстро обернувшись, она заметила только силуэт пожилой женщины, быстро растворившийся в толпе. Слезы сами собой потекли из ее глаз. Она почти не помнила, как к ней подошли люди Давояна, усадили в карету и повезли домой.

На пороге квартиры ее встретила плачущая от радости Анастасия.

- Представляете, барыня, вот буквально полчаса, как какой-то бородатый дядька принес девочку нашу. Она спит там, в своей кровати. На вид целехонькая.

Медея послала няню за врачом. Девочка действительно была в порядке, только ее напоили снотворным и теперь она будет спать еще долго.

Утром приехал Рубен. Его люди установили личность пожилой дамы, ей оказалась революционерка со стажем, некто Этери. Медея припомнила, как много лет назад какую-то Этери приводил в их дом отец. Они тогда запирались с ним в кабинете, а мама почему-то грустила. Неужели эта та самая женщина и откуда эти люди узнали про ее марки? Но все эти мысли быстро ушли на второй план, главное, что ее маленькое чудо с ней и все кошмары остались позади. Ну, а большая шишка на голове, это пройдет. Джон приедет и быстро вылечит и её, и Анастасию.

«Надо бы дать няне немного денег, ведь она пострадала за мою девочку. Пусть отправит их себе в деревню, порадует свою многочисленную родню».

С этими мыслями Медея и отправилась спать.

Глава 22.

Говорят, беда не приходит одна. Надо заметить, что и радость не приходит одна.

На следующее утро Медея, зайдя к себе в кабинет, обнаружила там Меркурия.

Как он проникал в закрытые помещения, как обходил посты многочисленной охраны, остается тайной. На сей раз Медея была несказанно рада его появлению и новой весточки от отца. Но, скорее всего, он был связан с революционерами, а они нагло похитили ее девочку. Как это все можно совместить?

- У вас опять времени в обрез?- не здороваясь, спросила женщина.

- Нет, уважаемая Медея Казимировна, на этот раз немного больше. Прочитайте письмо и если я смогу, то отвечу на те вопросы, которые наверняка вернутся на кончике вашего прелестного языка.

Пропустив мимо ушей комплимент мужчины, Медея углубилась в чтение отцовского послания. Казимир писал, что работает, по своей специальности – инженером на небольшом заводике, что у них в воздухе витают слухи о скорой войне с японцами, что он очень скорбит о смерти Софико и ее родителей; что очень хочет увидеть ее и что, скорее всего, пока это письмо доберется до материка и попадет к ней, она уже будет мамой, а он дедом. И если такое случится, очень просил учить девочку или мальчика польской грамоте и польской истории. Что бы дети с малых лет знали, что в их жилах течет и кровь великой Речи Посполитой. Он так же просил ее не уезжать из России, иначе они никогда не увидятся, и что он ее бесконечно любит. Отец так же писал, что с ним сидят политические со всей страны и что очень скоро в стране могут начаться волнения и ей надо быть осторожной, помнить, что случилось с ним и ни в коем случае не участвовать в политике.

Медея на сей раз не плакала над письмом, радость от вчерашнего события была всеобъемлющей, и будущее казалось ей безмятежным. Она с радостью написала, что ее любимый отец не ошибся, что он уже дед и у него есть чудесная внучка, которая лопочет сразу на четырех языках - русском, грузинском, польском и английском, путая слова, как ей заблагорассудится. Что она надеется и сердце ей подсказывает, что его ссылка вот-вот закончится и они все вместе, наконец, смогут посетить Польшу и, конечно же, славный город Т. Медея писала, что хотела после смерти матери забрать стариков в Москву, но те наотрез отказались; что она долго терзалась выбором между городом Т и хорошей работой у Давоянов и, возможно, ошиблась с выбором, о чем сейчас очень жалеет. Тогда ей казалось, что старики еще поживут и, в конце концов, переедут к ней, а вышло иначе. В письме отмечалось, что дочка Анечка очень похожа на Софико и на него тоже, а она очень жалеет, что не может передать сейчас ее фото. Письмо получилось длинным и очень сумбурным. Меркурий сидел молча ее не одергивал. Наконец, Медея закончила и протянула ему листок.

Мужчина спрятал его в карман и подняв руку, опережая тем самым ее вопрос, начал спокойным и уверенным голосом.

- Я знаю, что произошло с вами и вашей девочкой. Поверьте, сейчас в России существуют разные политические течения и то, к которому принадлежит ваш отец, никогда до такой мерзости не опускалось. Киднепинг - это не наш метод. Но другие считают, что в революционной борьбе все средства хороши, так что утешайте себя мыслью, что переданные этим людям марки, пойдут на то дело, за которые многие годы страдает ваш батюшка. За сим, извольте откланяться.

Он встал и вышел почти бесшумно.

- Просто удивительный человек, - подумала Медея. Просто какой-то фантом.

Глава 23.

Буквально минут через десять к ней в кабинет зашел Рубен.

- Интересно получается, - набросилась на него Медея. - По твоей конторе, совершенно игнорируя охрану, разгуливает посторонний человек, запросто проникает в мой кабинет, а ты и сном и духом ничего не знаешь.

Она еще долго продолжала свой гневный монолог, а Давоян спокойно слушал ее, не перебивая. Наконец, женщина успокоилась.

- Я тебя выслушал, - начал он, протягивая Медеи стакан воды. - А теперь послушай меня. Еще зеленым юношей я понял, что такой форме самодержавия, как в нашей стране, рано или поздно придет конец. Какие силы ее заменят, я еще не знаю, но то, что заменят - это бесспорно. Посему, дабы уцелеть в этой мясорубке, я по не многу спонсирую всех, в том числе и группу Меркурия. Но я к тебе зашел не за этим. Ты, наверное, замечаешь, что дело движется к восстанию или, как говорят господа-товарищи, к революции. Моя московская родня, то-бишь наши конкуренты, намылились перебраться в тихую Швейцарию, тем самым освободив для меня большой кусок великого российского рынка.

Медея открыла было рот, что бы возразить, но Рубен, не дал ей ничего сказать и продолжал:

- Все вопросы потом, дослушай меня до конца. Я принял решение перебираться в соседнее княжество и туда же вывожу основной, но не весь капитал. Кроме этого, я женюсь на госпоже Виктории Грошольц, шведской подданной, но проживающей в славном городе Гельсингфорс - главном городе Великого княжества Финляндского и так же имеющей свой гешефт в ювелирном деле. Ты же остаешься здесь и будешь руководить всеми нашими, я подчеркиваю - нашими российскими капиталами.

Медея широко открыла глаза и рот, но сидела молча.

- Ты становишься, не просто управляющей, ты становишься моим компаньоном, - так же спокойно продолжил Рубен. - Поверь, это дорого стоит. И не спешి поздравлять меня со свадьбой, сама понимаешь, сиё действие исключительно деловое. По крайней мере, с моей стороны. Виктория прекрасная партия и возможность мне выйти

на рынки Скандинавии. И если бы не твой Олдман, ты уже давно была бы госпожой Давоян и не сомневайся.

При этих словах он как-то по-юношески улыбнулся.

- А теперь бери бумаги, и давай займемся, наконец, разделом наших активов и обязанностей.

Глава 24.

Этери ехала в вагоне первого класса и разговаривала с незнакомцем.

- Понимаешь, дорогая, вся надежда только на тебя и на твои темные силы. Этот Трептов просто, как заговоренный. Наш боевик Полторацкий, сразу же после первого выстрела, которым он только прострелил пальто Трепова, был схвачен жандармами и во время борьбы выпустил ещё несколько пуль, но безрезультатно. На концерте в Петергофском саду был убит по ошибке вместо Трепова похожий на него по наружности генерал-майор С. В. Козлов; боевик Васильев ожидает казни в Петропавловской крепости.

Женщина внимательно слушала собеседника.

- Я уже все узнал, сам Трептов к маркам равнодушен, но по давнишней привычке письма, адресованные ему лично, вскрывает и читает сам.

- Все понятно, - весело ответила Этери. - Когда товарищи мужчины бессильны, они, наконец, вспоминают о равноправии и соглашаются поручить самое трудное нам, хрупким женщинам. Товарищ Константин Алексеевич Мячин, он же Яковлев, он же Стоянович, твоё задание будет выполнено, но от ваших людей мне потребуется помощь в другом деле. Я хочу, что бы вторая марка попала в коллекцию на самом верху.

...Из газеты «Петербургские ведомости»: «2 сентября Дмитрий Фёдорович Трёпов, генерал-майор, бывший Генерал-губернатор Петербурга, а ныне товарищ министра внутренних дел, неожиданно скончался от перерождения сердца. Возникшие было слухи о самоубийстве опровергнуты вскрытием тела».

Глава 25.

Рубен и Медея просидели до самого вечера. Проблем было чрезвычайно много: какие активы оставить здесь, а что вывести в Финляндию? Это, конечно, Российская земля, но не совсем. Там свои законы, свой парламент. От Петербурга недалеко, но все же одной ей

управляться будет ох, как не просто. Да и не привыкли российские мужики бабе подчиняться.

Медея возвращалась домой в карете. «Ну и как теперь с Джоном разговаривать? Ее работа, ее фирма, она совладелец», - эти слова будоражили и пьянили, как хорошее шампанское. Какая там к черту Англия, тут такие дела разворачиваются.

На следующий день в порт столицы Российской империи вошло английское торговое судно «SS Gairsoppa», на котором, наконец, прибыл врач Джон Олдман.

Супруга проговорили всю ночь напролет. Обоим хотелось рассказать, как можно больше, и им казалось, что какая-то неведомая сила их вот-вот разлучит вновь.

Джон предложил прямо с утра отправиться гулять, прихватив с собой Аннушку.

Медея, было, согласилась, но по пути попросила остановить карету у конторы, да и задержалась там надолго. Джон с дочкой прогуливался взад-вперед, пока его не окликнул старый знакомый - английский торговец ювелирными изделиями Джеймс Брэнч Кейбелл, который по делам как раз посещал «Ювелирный дом Давоянов». Слово за слово, соотечественники разговорились и решили, что сегодня вечером Джон Олдман просто обязан посетить Английский клуб.

Это был один из первых в России джентльменских клубов, наиболее популярный центр российской общественной и политической жизни. В то время этот дом славился обедами и карточной игрой, во многом определял общественное мнение города. Количество членов было ограничено, новых членов принимали по рекомендациям после тайного голосования.

Решено – сделано. Джону очень хотелось стать членом этого элитного заведения, пока же он здесь присутствовал всего лишь как приглашенный гость. Ему стало неловко от того, что Медея осталась дома с ребенком всего на второй день его пребывания в России, но расспросы соотечественников и представителей российской знати о последних событиях на его Родине, отодвинули его сомнения далеко на второй план.

Кейбелл потащил его к группе людей, увлеченно обсуждающих новые марки Российской Империи. Здесь собрались увлеченные филателисты, как русские, так и англичане. Шел бойкий обмен и торговля. Джон постоял немного, послушал и отправился к другой группе людей, оживленно обсуждающих последние события в области политики. «Жаль, что здесь нет медиков, вот с кем было-бы интересно пообщаться», - подумал Олдман. Однако услышанный разговор его

заинтересовал. В кулуарах обсуждали возможную войну России с Японией и судьбу острова Сахалин.

Еще в 1899 году штаб Приамурского военного округа признал оборону Сахалина непосильной для войск, имевшихся в Приамурье. Военное командование не считало Сахалин стратегически важным на дальневосточном театре военных действий. В мае 1903 года Сахалин посетил военный министр России генерал А.Н. Куропаткин и дал указание о принятии мер к обороне. С материка привезли 8 орудий и 12 пулеметов. На этом забота государства о маленьком клочке русской земли окончилась.

Олдман решил, что он просто обязан поделиться этой информацией с Медеей и подумать, какие шаги можно предпринять уже сейчас, что бы вытащить своего тестя с этого острова.

Между тем, самые важные события в тот вечер проходили не в группе политиков, а как раз в той группе людей, которую покинул Джон.

Респектабельный господин, по фамилии Маевский, продал некоему господину Кирееву Льву Васильевичу, уполномоченному самого барона Фредерикса - министра двора и уделов, за весьма внушительную сумму конверт, внутри которого находилась марка с изображением Левиафана. Барон Фредерикс давно мечтал преподнести эту редкую марку для пополнения личной коллекции императора Николая II, помня о том, что его предшественник на высоком министерском посту, генерал-фельдмаршал Адлерберг, приложил значительные усилия к её созданию.

К большому сожалению для коллекции марок государя-императора свидетелем этой сделки оказался наш знакомый англичанин Джеймс Брэнч Кейбелл, желавший сделать дорогой подарок своему королю и кузену Николая II. В конце-концов, господин Киреев не устоял перед напором и кошельком с большим количеством фунтов стерлингов заядлого английского филателиста, и конверт с заветным Левиафаном перекочевал сначала в карман Кейбелла, а несколько позднее уютно разместился в коллекции английского правителя Георга V, не менее ценителя редких марок, чем русский царь Николай II.

Так, из-за чистой случайности, просьба пламенной революционерки товарища Этери осталось не исполненной в отдельно взятой стране, но за то послужила борьбе с ненавистным царизмом в мировом масштабе.

Недолго продолжалась семейная идиллия Олдманов, через несколько дней начались взаимные упреки. Медея долго засиживалась на работе, Джон зачастил в Английский клуб. Сказывалась и большая разница в возрасте супругов, и различный менталитет. Джон уже отвык от России, да еще напряженная политическая обстановка сильно пугала его. Медея уже в категорической форме отказывалась даже обсуждать свой отъезд в Англию, ей казалось, что своим отъездом она предаст дело, которое доверил ей Давоян; что только она уедет, отца, наконец отпустят и они никогда не увидятся.

Вмешательство России в японо-китайскую войну 1895 года одним росчерком пера лишили Японию всех плодов ее победы, пробудило ненависть к России в сердце каждого японца. Когда же три года спустя - в 1898 году Россия приобрела Ляодун с Порт-Артуром, скрытая эта ненависть превратилась в открытую ярость. Сознание, что Россия не только лишила Японию ее завоеваний, но еще и присвоила их себе, было нестерпимо для национального самолюбия. Государственные расчеты, требовавшие обоснования преобразованной империи на Азиатском материке, шли рука об руку с уязвленным самолюбием всей нации. От Императора Мутсухито до последнего рикши все понимали, что вопрос этот может быть решен лишь силой оружия.

...Всепогоднейшие телеграммы Наместника Николая II на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Алексеева Евгения Ивановича:

«Всепогоднейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи, с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Причём броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины – степень их серьезности выясняется. Подробности представляю Вашему Императорскому Величеству дополнительно».

«В дополнение телеграммы от сего числа всепогоднейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что все три поврежденных судна держатся на воде, котлы и машины исправны. «Цесаревич» получил пробоину в рулевом отделении, руль повреждён.

На «Ретвизане» пробоина в отделении подводных носовых аппаратов. На «Палладе» пробоина в середине борта близ машины. После взрыва к броненосцам немедленно подошли дежурные крейсера оказать помощь и, невзирая на тёмную ночь, приняты были меры ввести потерпевшие суда на внутренний рейд. Потери в офицерах нет; нижних чинов убито два, потонуло пять, ранено восемь. Неприятельские миноносцы своевременно были встречены сильным

огнём с судов. По окончанию атаки найдены две невзорвавшиеся мины».

Россия вступила в войну с Японией.

Беда не приходит одна, пришло известие, что тяжело заболел английский король Георг V и врача королевской больницы господина Олдмана срочно отзывают из отпуска для продолжения работы в составе группы придворных медиков. О том, что бы Аннушка поехала с отцом, Медея даже и слушать не желала. Она каждый день покупала пачки газет, выискивая глазами гулкое слово Сахалин.

Глава 27.

С десяти лет будущий английский король Георг V почти постоянно находился в морском плаванье с целью поправки своего слабого здоровья. На крейсере принц подчинялся общему для кадетов образовательному и воспитательному режиму. Он вставал в пять утра, должен был сам чистить свое платье и обувь, довольствоваться очень скромным столом и нести все тяжести службы корабельного юнги.

Плаванье Георга продолжалось непрерывно четырнадцать лет. Он побывал шесть раз в Индии, четыре раза в Канаде, два раза в Центральной Африке и два раза в Австралии. Принц Георг, таким образом, прежде всего, был моряком - моряком по впечатлению, моряком по профессии. Побывав во многих странах мира, он заразился коллекционированием марок. Альбомы с марками занимали целые полки его кабинета, а особо ценные хранились в специальном ящике – сейфе.

Неожиданно для всех монарх занемог. Целый сонм медиков не мог поставить диагноз, между тем королю становилось все хуже и хуже.

Джорж Олдман вместе с медсестрой Элеонорой, после соответствующих проверок, были допущены в личные покои в Виндзорском дворце. Еще далеко не старый человек сидел в кресле и рассматривал на свет марку, конверт от нее лежал рядом на столе.

Джону хватило доли секунды, что бы понять причину болезни государя. Уникальная марка с изображением Левиафана выглядела точно так же, как и шесть ее сестер, лежащих сейчас за иконой Георгия Победоносца в далеком Санкт Петербурге.

- Ваше высочество, уберите немедленно эту марку, - воскликнул врач.

- Это почему же? - возмутился король. - Я ею еще не на любовался. Удивительно редкий экземпляр.

Олдман хотел тут же рассказать историю и этой марки, и своей семье, но вдруг осёкся - показаться сейчас смешным перед самим государем было выше его сил, и он, потупившись, произнес:

- Мы с сестрой пришли сделать укол. Пожалуйста, позвольте нам исполнить свой долг.

Георг быстро положил марку в конверт и спрятал его не в сейф, а просто положил в альбом с остальными марками.

«Это мой шанс», - подумал врач и взял у медсестры шприц с лекарством.

Целый вечер потратил Джон, что бы по памяти нарисовать эскиз проклятой марки. Еще день ушел на то, что бы найти в Лондоне гравера, согласившегося без лишних расспросов по эскизу изготовить марку. Теперь оставалось самое трудное - проникнуть в заветный кабинет и подменить подлинник на копию.

Джон строил планы, ему казалось, что его затея обречена на полный провал. Не было в государстве более охраняемой комнаты, чем кабинет короля. Но и выхода у врача не было. Никто не поверит ему в сказку про заколдованную марку, на дворе уже ХХ-й просвещенный век. Люди летают по воздуху на аэропланах, катаются на авто и разговаривают в трубку телефона.

«Как же быть, как быть?», - постоянно крутилась одно и то же в его голове. - Если марка не исчезнет, Георг умрет, не помогут лекарства против магии самой легендарной Медеи. Все, что мы ему колем, только поддерживает его организм, но выздороветь окончательно государь не сможет».

Если долго обдумывать, какой-то проект, то решение рано или поздно созреет.

Олдман вошёл в группу врачей королевской клиники, приглашенных на торжественное собрание, посвященное очередному выпуску молодых медиков. Народу собралось много. Король сидя приветствовал гостей, а Джон выбрал момент и с замирающим сердцем отправился в знакомый кабинет. Зрительной памятью он обладал отменной, да и везло ему в этот день неимоверно. Если бы марка была помещена в сейф, Джону его не удалось бы открыть никогда. Но король больше марку не рассматривал и она лежала в том же альбоме, в который ее положили в прошлый раз. Не помня себя от страха, врач совершил подмену и быстро покинул кабинет.

Сознание того, что он сделал, окрыляло его. Сославшись на неотложные дела, Олдман покинул собрание и, поймав кэб, быстро уехал из Виндзорского замка.

В нем проснулся дух естествоиспытателя, он вдруг решил проверить действие зловещего куска бумаги на самом себе. Поздним вечером он завел дневник наблюдений и приложил марку себе ко лбу. «В самом крайнем случае Медея найдет какое-нибудь контр заклинание», - подумал он и потерял сознание.

На следующий день монарх почувствовал себя значительно лучше, а уже через неделю от его хвори не осталось и следа. В связи с чем было выпущен высочайший манифест о награждении особо отличившихся медиков, в числе которых одним из первых указывалась фамилия Олдмана. Однако, врач не мог в полной мере радоваться такому событию. Он сам пребывал в королевской больнице и его коллеги мучились над диагнозом больного. Тайком от них Джон вел свой дневник и сам пытался подобрать себе нужное лекарство, но получалось плохо.

Глава 28.

В кабинет Медеи вошел посыльный.

- Там, это, за воротами, кокой-то старик в рванине к вам проситься. Так я хочу его того, в шею...

Марго склонилась над бумагами.

- Какой еще старик? Не знаю я никаких стариков. Мои давно уже умерли. А может быть это Меркурий так переоделся? Так он, вроде бы, сюда запросто проникал, минуя охрану. Ладно, зови, старость уважать надобно, - рассуждая на распев, ответила она.

В кабинет действительно вошел очень старый и совсем седой человек, он смотрел на нее, усталыми серыми глазами и они непроизвольно наполнялись слезами.

- *Córka to wróciłem* (Дочь, я вернулся). *Moja córko, to ja, twój ojciec* (Моя дочь, это я - твой отец).

В голове у Медеи вспомнились давно забытые польские слова, она смотрела на одетого в тряпье человека, мотала головой и не знала, что делать.

- *To ja jestem także twoja córka* (Это я, папа, твоя дочь), - прошептала она и бросилась к старику.

Слезы полились у обоих.

Услышав шум, в кабинет заглянул управляющий.

- Медея Казимировна, у вас все в порядке?

- Одежду самую лучшую, много, немедленно на этого человека и еды из ресторана. Немедленно! Да еще баню снять самую лучшую на

весь день... И еще всем премию, месячную, всем. Слышишь меня? Всем! Ко мне отец вернулся.

Казимир гладил по волосам внучку, которая сразу прильнула к деду, и рассказывал, рассказывал, рассказывал. Казалось, не будет конца и краю его рассказам, Медея слушала молча, она понимала, как важно высказаться её отцу.

За радостными хлопотами прошла неделя. Вместо старой квартиры был снят новый просторный дом. Аннушка дневала и ночевала в комнате деда. По просьбе Казимира должен был вот-вот прибыть автomotor фирмы «Руссо-Балт».

На Сахалине он научился водить авто. Ходить старику было трудно, а от извозчика он отказывался категорически.

А еще через месяц дед и внучка укатили в Варшаву. Медею не отпустили с ними дела. Казимир же рвался в родную Польшу всеми фибрами своей души. Женщина дала им в помощники одного из своих приказчиков - расторопного малого Михаила, которому велела денег не жалеть, все причуды старика удовлетворять незамедлительно, никаким его чудачествам не препятствовать.

Глава 29.

Олдману становилось все хуже и хуже. Не помогали ни лекарства, ни специальные препараты, которые изготавливали по его рецептам. Он позвал медсестру Элеонору и, когда девушка пришла, кивком указал ей на стул.

- Мне самому уже трудно писать, - промолвил врач. – Поэтому, пожалуйста, не удивляйтесь тому, что я буду вам диктовать и самое главное - сохраните все в тайне. А сейчас принесите пепельницу и спички.

- Доктор, вы же не курите, - удивилась девушка.

- Делайте то, что вам велено. Да, еще вот что, захватите с собой перчатки.

Удивленное медсестра принесла все, что попросил Джон.

- А теперь наденьте, пожалуйста, перчатки и сожгите тот клочок бумаги, что лежит у меня в тетради.

Элеонора достала марку и вскрикнула:

- О Боже, это ведь марка нашего короля! Я ее видела.

- Сожгите ее, немедленно, - потребовал врач. - И не спорте со мной.

Я повторяю - немедленно.

Девушка поднесла огонь к марке и бросила ее в пепельницу.

- А теперь слушайте и записывайте.

Джон диктовал долго и подробно. Порой сознание покидало его, и тогда девушка несколько минут сидела молча, осмысливая то, что продиктовал ей врач.

Наконец, история марки с изображением Левиафана была записана, и Джон попросил ее тут же написать письмо для его жены и дочери.

Девушка покачала головой:

- Доктор, вы поправитесь и сами все им напишите. Я в этом уверена.

- Нет, дорогая моя Элеонора, увы, я просчитался. Я сам не верил до конца, что эта проклятая марка непобедима, но оказалось, что это так. А теперь давайте приступим, а то мне становится трудно говорить.

В своем письме Джон просил у Медеи прощения, просил всячески оберегать дочку Аннушку и, самое главное, незамедлительно, сразу же по получении этого письма, уничтожить лист с Левиафанами. Зло должно навсегда покинуть эту землю. Он так же просил прощения у своего тестя, если тот сможет вернуться с каторги и по возможности обеспечить ему достойную старость. К письму так же прилагалась доверенность на все имущество Джона Олдмана, которую Элеонора должна заверить в ближайшей нотариальной конторе.

Элеонора писала и плакала. Слезы капали на текст письма, от которых буквы расплывались, но девушка ничего не могла с собой поделать.

- А теперь возьмите эту фотографическую карточку, вложите ее в письмо, сходите к нотариусу, он знает мою подпись и заверит ее. Затем отнесите письмо на почту, а остальные записи отдайте главврачу нашей клиники сэру Чарльзу Теккеру. Сюда, ко мне, не спешите. Я устал, и буду спать.

Когда спустя два часа Элеонора, выполнив все поручения Олдмана, вместе с главврачом Теккером вошли в палату, Джон лежал бездыханно, зажав в руке, скомканный лист бумаги. Элеонора достала его и отдала сэру Чарльзу. Корявые буквы гласили: «Я очень рад, что смог спасти нашего госуда...». На этом запись обрывалась.

Глава 30.

Казимир с Аннушкой неспешно прогуливались по Парку Лазенки, наслаждаясь приятной прохладой деревьев и водной гладью. Вдруг Казимира окликнул женский голос.

- Казимир, а ты не изменился, только посидел.

К ним подошла Этери и улыбнулась.

- Мир тесен, дорогой мой. Ты давно в Варшаве?

Казимиру не приятно было вспоминать те давнишние события, бомбы, суд и Сахалинскую каторгу, но до него доходили вести, что именно Этерии жестоко расчиталась с предателем.

Они присели на близ стоящую скамейку, отправили девочку погулять и покормить лебедей, а сами придались воспоминаниям. Время летело незаметно, солнце уже стояло в зените, когда Этери заговорила о главном.

- Казимир, нам сейчас, как никогда нужна твоя помощь. Ты же великолепный инженер, а мы в шаге от того, что бы скинуть этот ненавистный режим. Ты же хочешь видеть свою Польшу свободной?

Казимир не знал, что ответить. Второй раз входить в эту бурную реку ему никак нельзя, на этот раз он не выплывет. У него есть дочь, внучка и где-то далеко зять, которого он не видел.

- Этери, дай мне подумать. Я уже стар играть в революцию. Наверное, мне уже пора на покой.

- Но у тебя есть дочь. Она богата, а революции нужны деньги, много денег. Свобода твоей страны стоит дорого.

Казимир молчал. Он не знал, что ответить, да и не хотел. Он молча поднялся, позвал внучку, и они медленно пошли к выходу из парка.

Этери молча смотрела им в след. «Я его заставлю, обязательно заставлю», - думала она. - Эта семья еще поработает на наше общее дело».

Глава 31.

Главврач королевской клиники сэр Чарльз Теккер уже много лет сотрудничал с секретной службой «Инджелес Сервис», поэтому сразу после похорон Джона Олдмана, незамедлительно отправился к своему другу и руководителю одного из тайных отделов Майклу Идену. Друзья закурили сигары, взяли в руки бокалы с добрым шотландским виски и принялись изучать записи покойного врача.

- Неужели, все, что здесь написано – правда? - спросил Иден.

- У меня, к сожалению, нет никаких оснований в этом сомневаться, - ответил Теккер. - И смерть автора этих строк тому самое наглядное подтверждение.

- Как ты думаешь, эта госпожа Медея послушается совета мужа и уничтожит марки? - продолжил беседу Майкл.

- Я думаю, если она знает свойства этих квадратиков, а она их обязательно знает, то не уничтожит их никогда.

- Я тоже так думаю, - ответил разведчик.

- Значит, мы посылаем туда нашего человека и немедленно. Такое оружие должно служить интересам нашей великой страны. Ты со мной, надеюсь, согласен, старина Чарльз?

Они еще долго беседовали, пили виски, и чем больше его было выпито, тем очевиднее обрисовывалась идея - доставить оставшихся Левиафанов в Великобританию.

Через несколько дней журналист газеты «Таймс» Гарри Иден, родной брат Майкла Идена, отбыл в славный город Санкт Петербург для выполнения задания редакции, которое заключалось в сборе информации о заядлых филателистах России и о редких марках этой огромной страны.

Глава 32.

Медея стояла на перроне вокзала. Через несколько минут должен был прибыть поезд из Варшавы с ее самыми близкими людьми. На привокзальной площади их ждал новенький автомобиль «Руссо-Балт», подарок для отца. Медея пока была с водителем, но она уже сама брала уроки вождения и надеялась, что в скором времени сможет самостоятельно управляться с этой сложной техникой.

Оставшиеся минуты до прибытия поезда были самыми томительными. Медея расхаживала по перрону взад и вперед, представляя, как обнимет своих путешественников, как они поедут все вместе в ресторан обедать, а затем до самого вечера будут кататься на авто. В этот день все ее мечты сбылись: поезд прибыл во время, счастливая Аннушка бросилась матери на шею, приказчик Михаил потащил в машину коробки с подарками и чемоданы. Они пообедали и долго катались по городу, а когда, наконец, уставшие, но счастливые подкатили к дому, на встречу к ним вышла Настя, держа в руке письмо в иностранном конверте.

- Что такая грустная? - воскликнула Медея. - Радоваться надо - наши приехали и письмо от мужа пришло.

- Ох, барыня, чует мое сердце - письмо то плохое, - с каким-то бабьим выдохом сказала няня.

- Да брось ты. Сейчас вот будем вещи распаковывать и почитаем.

Медея взяла письмо, ушла в свою комнату и очень долго не выходила. Казимир, предчувствуя неладное, без стука зашел к ней.

Дочь сидела в кресле, опустив голову на стол.

- Что случилось, córka, - путая русские и польские слова, спросил отец.

Медея молча протянула ему письмо.

Глава 33.

Уже несколько вечеров подряд Гарри Иден коротал в Английском клубе. Все его постояльцы знали, что английский журналист прибыл в столичный град для того, что бы собрать материал о крупных российских филателистах и редких марках. К тому же, именно сегодня его должны были познакомить с господином Киреевым Львом Васильевичем, уполномоченным человеком самого барона Фредерикса, в ведомстве которого находятся все почты России и через которого пополняется знаменитая коллекция Николая II.

Разговор с Киреевым получился долгий, сумбурный и малопонятный. Однако, после солидного угощения шотландским виски, сей господин признался, что его бес попутал, и он продал-таки этого злосчастливого Левиафана гнусному англичанину Джеймсу Кейбеллу.

- Что б его черти слопали, сколько времени прошло, а все равно вспоминать стыдно.

Кейбелла Гарри Иден разыскал быстро, англичанин ничего не стал скрывать от своего соотечественника и поведал, что очень горд тем, что в королевской коллекции Георга V имеется и его подарок. Иден не стал рассказывать собеседнику, на сколько дорогой подарок торговец преподнес своему государю.

Вдруг Джеймс стукнул себя по лбу.

- Ах, я старый кретин, болван и безмозглая скотина! Как же я забыл? Послушайте, ведь существуют еще две такие же марки. Когда-то давно, - возбужденно начал он, - я имел честь быть приглашенным на юбилейное торжество к ювелирному магнату, господину Рубену Кареновичу Давояну. Так вот его помощница, госпожа Медея Олдман, преподнесла ему в подарок две такие марки. Он ведь заядлый филателист, вот и не выдержал, похвастался.

- А я могу встретиться с этим Давояном? - спросил Иден.

- Несколько лет назад он разделил свой бизнес и большую часть его перевел в Гельсинфорс. Сейчас там обитает. Это не очень далеко от Питера, чуть более двухсот верст или по морю. Если вечером отчалить, то утром уже там будете, - проинформировал торговец.

Пасьянс, наконец, сложился: путь журналиста лежал в столицу Финляндского княжества.

Немало времени понадобилось Идену, что бы попасть на прием к Рубену Давояну. Но атака в лоб не принесла никаких успехов - ни показать заветные марки, ни, тем паче, продать их ювелир не захотел.

О существовании шести подобных марок в Санкт-Петербурге у Медеи Олдман никакой информации не было. Уничтожила их безутешная вдова, исполнив последнюю волю супруга, или припрятала на черный день, оставалось загадкой.

Всю собранную информацию сотрудник «Инджелес Сервис», как и положено по инструкции, незамедлительно передал в центр. Сам же остался ждать дальнейших указаний в тихой и спокойной Финляндии, поближе к двум заветным маркам.

Глава 34.

Вениамина Андреевича Бартемьева, председателя Европейского банкирского дома, имеющего свои офисы во всех столицах старушки Европы, тактично пригласили на встречу с Майклом Иденом. Предложение о встрече было хоть и тактичным, но к исполнению обязательным. Той организации, в которой трудился Иден, как-то не принято было отказывать.

Беседа состоялась в отдельном кабинете одного из фешенебельных ресторанов Лондона и носила сугубо приватный характер.

- Итак, господин Бартемьев, - отхлебывая свой любимый виски начал Майкл. – Вы, надеюсь, понимаете, что большая война не за горами.

- Да, я об этом слышал, - не понимая, к чему клонит разведчик, ответил банкир.

- Ну, тогда я не буду говорить лишнее, а перейду сразу к делу, - продолжал Иден. - Вы уверены, что в случае начала военных действий, господин Давоян сможет вернуть вам выданные кредиты и погасить векселя? Кому нужны будут его бриллианты и изумруды? Или я в чем-то ошибаюсь?

- Бриллианты нужны людям всегда - возразил банкир. - Их легче перевозить, так как это международная валюта.

- Хорошо, не будем спорить. Конечно же, в финансовых делах, как в прочем и в марках, вы разбираетесь лучше меня. Я не ошибся, вы же заядлый филателист, это так? - несколько повышая голос, произнес Майкл.

- При чем тут моя страсть? Я что-то никак не пойму цели нашей встречи, - так же повышая тот возмутился Бартемьев. - Даваян - российский подданный, я, между прочим, тоже, - продолжил он, но Иден остановил банкира жестом руки.

- Короче так, - продолжил разведчик. – Вы, как можно быстрее, требуете погашения всех кредитов и займов, предоставленных вашим

домом Ювелирному дому Давоянов, а он этого сделать не сможет и будет вынужден заложить свою знаменитую коллекцию марок. Наше министерство финансов погасит долг Давояна перед вами. Кроме того, вы получите весь залог, за исключением нескольких марок. Я думаю, это предложение более чем выгодное. Вы, по сути, ничем не рискуете и весьма обогащаете свою коллекцию. Вам все ясно?

Вениамин Андреевич молча слушал. Он понимал, что англичане затевают очередную подлость, но не понимал всех аспектов этой игры и при этом осознавал, что не сможет им отказать. Даже Европейскому банкирскому дому было не по зубам тягаться с «Инджелес Сервис».

Глава 35.

В Петербург неожиданно примчался Рубен. Он буквально вытащил Медею из постели:

- Поехали скорее, поехали в контору, - прокричал он.

- Да что за беда такая? - возмутилась женщина. - У меня, между прочим, семья, дочка, отец. Они еще не встали. Давай лучше позавтракай с нами.

- Некогда, компаньон, некогда. Все потом.

Он схватил ее за руку и почти силой поднял из кровати, а затем, наспех одевшуюся женщину, повлек в карету.

- Понимаешь, дорогая, - начал он без предисловия. - Нас с тобой хотят разорить.

- Не поняла...- произнесла женщина, пропустив мимо ушей, ласковое слово, дорогая.

- С меня требуют срочного погашения кредитов. Что тут непонятного, а деньги все в товаре.

- На каком основании? - спокойно спросила Медея. - Есть же договора.

- Да договора есть, но там есть пункт – «в случае приготовления к войне и начала военных действий...».

- Но ведь военных действий, слава Богу, нет.

- Но подготовка, то идет. Ты что, это не чувствуешь?

- Рубен, мои чувства юридической силы не имеют.

Карета остановилась возле головной конторы.

- Значит так, не спорь. Садись и переводи все имеющиеся на счетах средства в счет погашения кредитов.

- Позволь! - возмутилась Медея. - Я ведь тоже компаньон и я категорически против. Давай встретимся с ними еще раз, поговорим. Ну, так ведь нельзя. Весь наш многолетний труд коту под хвост.

- Хватит спорить, - резко отпарировал Рубен. - Ты переводишь деньги, я закладываю свои финские имения, коллекцию марок и мы гасим этот чертов кредит. А там продадим цацки-бирюльки и выкрутимся...

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии ровно через месяц после убийства в Сараево Гаврилой Принципом, студентом из Боснии австро-венгерского престолонаследника принца Франца Фердинанда и его жены Софии Хотек. Как таковое убийство не было причиной, а явилось лишь поводом к развязыванию Первой Мировой войны.

Глава 36.

С началом войны город изменился. Во-первых, его переименовали, назвав на русский манер Петроградом. И без того не яркий, сейчас он выглядел совершенно серым из-за большого количества военных шинелей, встречающихся повсюду.

Торговые дела резко пошли на спад. Медея гоняла своих приказчиков в хвост и в гриву, но покупателей на ювелирные изделия становилось все меньше и меньше. Наоборот, в ломбард и скупку стали приносить фамильные драгоценности, но покупать их было не на что, практически перестали выдавать кредиты.

Медея собралась в Гельсинфорс к Рубену, надо было срочно обсудить дела, так долго продолжаться не могло. Хотела взять с собой Аннушку, но та категорически не хотела оставлять деда одного. Любовь у них была обоюдная и беззаветная.

Дед был готов за внучку отдать жизнь, не задумываясь, а девочка была готова идти за ним и в огонь, и в воду. Мать смотрела на них с умилением, завидовала про себя, что у нее с дочерью нет таких теплых отношений, но была безмерно рада, что в старости её отец обрел, наконец, семейное счастье.

После отъезда матери, Аня без труда уговорила деда поехать в Летний сад.

Дед и внучка гуляли по аллеям, рассматривая многочисленные скульптуры. Старый Казимир много знал из античной истории и с удовольствием рассказывал внучке о греческих и римских богах и богинях. Девочка от восторга, разве что, не визжала.

Тихо и незаметно к ним подошел хорошо одетый гражданин.

- Рад видеть тебя в добром здравии, Казимир Крулевский, - произнёс он и приподнял модную шляпу.

- И тебе не хворать, Меркурий. Все так же носишься по белу свету, делаешь свою революцию, - с какой-то иронией ответил старик.

- Пойдем, отойдем ненадолго. Пусть девочка сама немного на скульптуры полюбуется, - предложил Меркурий.

Мужчины ушли куда-то вглубь парка, а Аннушка медленно побрела по алее, считая мысленно богов и богинь и вспоминая их имена на русском и польском языках, как учил ее дед.

- Казимир, библию помнишь? Время разбрасывать камни, время собирать их, - загадочно начал разговор Меркурий, когда они отошли достаточно далеко от аллеи.

- Что ты имеешь ввиду? - спросил старик.

- Нужно отдавать долги. Всегда нужно отдавать свои долги, - глядя куда-то в сторону, продолжил Меркурий.

- Что от меня требуется на этот раз?

- Не пугайся, больше бомбы делать не придется. Сейчас идет война и этого добра, слава Богу, хватает. Мы хотим, что бы ты вступил в Польскую социалистическую партию (ППС).

- Это что еще за партия такая? - поинтересовался Казимир. - Раньше я такое название, что-то не встречал.

- Понимаешь, пан Крулевкий, мы рассматриваем поражение России в этой войне, как важнейшее условие достижения независимости Польши. Я и мои друзья полагают, что поляки должны создать собственные вооруженные силы и воевать на стороне Германии. Немцы победив обязательно дадут нам свободу.

- *Merkury nie pijany, czy ty?* (Меркурий, уж не пьян ли ты?). *Co ja bym oto te ręce, walczył przeciwko rosjanom?* (Что бы я вот этими руками воевал против русских?). *To jest nie do pomyślenia nigdy, pamiętaj.* (Не бывать этому никогда, запомни). *Dobro pamiętam, ale wydawać rosyjskich nie będę nigdy.* (Добро я помню, но предавать русских не буду никогда).

- А ты не боишься, Казимир, что если откажешься от нашего предложения, то с твоей доверью или, не дай Бог, с внучкой что-то плохое случится? - на чистейшем русском спросил Меркурий.

- А вот такие методы я совсем не приемлю, - тихо ответил Казимир и ткнул Меркурия, куда-то в шею.

Меркурий был на много моложе и сильнее старика, он успел, нанести ответный удар в висок. После чего упал навзничь, как подкошенный. Казимир схватился за голову, но не упал, а просто прислонился к дереву. Сахалинская каторга многому научила старого поляка, в том числе и некоторым приемам Джиу-джицы.

Тут же подбежала Аннушка.

- Деда, что случилось? Этому дяде плохо. Может, сбегать и кого-то позвать?

- Не надо, внучка, никого звать, - еле слышно произнес старик. - Просто дядя очень долго не спал, вот и прилег отдохнуть. Пожалуйста, помоги мне встать на ноги, нам уже давно пора домой.

Глава 37.

Рубен и Медея сначала сидели на веранде роскошного дома Давоянов-Грошольц с видом на Финский залив, затем женщине надоело ловить на себе злобные взгляды хозяйки дома и она предложила продолжить разговор в Парке Кайвопуйсто.

Рубен без всяких колебаний согласился. На природе и думается лучше, и от мадам Грошольц подальше. Они бродили по парку, отмечая одну идею за другой. Казалось, выхода нет - их бизнес прочно идет ко дну. В конце концов, уже вечером, стратегия спасения Ювелирного дома Давоянов совместными усилиями была выработана.

Рубен принимает условия Вениамина Андреевича Бартеньева по всем пунктам, кроме одного: знаменитая коллекция марок Давояна не идет в залог, а выставляется на аукцион. Деньги, полученные от продажи коллекции, прямым ходом идут на погашение кредита.

Довольные и усталые Рубен и Медея завалились в ресторан «Seurasaari». Радужная форель, суп из озерных рыб, щуки, окуня, судака и, конечно, ряпушки, малосольный сиг и кумжа в специальном соусе. Вечер удался на славу. Казалось, нет никакой войны, а есть только он и она, и еще великолепная северная природа. И так будет продолжаться бесконечно долго.

Узнав новость, что хитрый армянин и еще более хитрая грузинка обвели его вокруг пальца, Майк Идеен негодовал. Он носился по своему кабинету, переворачивая мебель и жуя не зажженную сигару. Наконец, разведчик немного пришел в себя, вызвал секретаря и, плюхнувшись в кресло, начал диктовать секретную телеграмму своему брату: «Срочно создать или найти в Гельсинфорсе фирму, способную купить целиком или по частям коллекцию марок Давояна, выставляемую на аукцион. Денег не жалеть, злополучных Левиафанов получить любыми средствами, вплоть до радикальных».

- Каких? - переспросил секретарь.

- Радикальных, - гневно повторил шеф. - Еще одно слово и я применю эти средства к тебе, понятно? Исполняй, бегом! Информацию от Гарри приносить мне без промедления, в любое время суток. В любое. Это, надеюсь, понятно?

Через неделю начался аукцион. Рубен Медею никуда не отпустил, они вместе готовили каталоги. Женщина намекнула, что подарки продавать нельзя, но Давоян был неумолим:

- Деньги нужны сейчас по зарез. Спасем наше дело, потом найдем и выкупим твой подарок. Эти марки сейчас огромных денег стоят и большую пользу нам принесут.

Медея больше не спорила. «Пусть лучше их не будет рядом с этим человеком. Добра эти дурацкие бумажки с Левиафанами никому не приносят», - пронеслось у неё в голове.

Эта неделя для нее была одна из самых лучших в ее жизни: рядом был мужчина, ее мужчина, сильный, уверенный в себе, властный. Конечно, где-то недалеко существует его мадам Грошольц. Ну, да не будем обращать на нее внимания. Если она возьмет неделю от ее жизни, то от той не убудет. В конце концов, Медея не виновата, что у нее нет выхода на скандинавские ювелирные рынки.

Глава 38.

Аукцион проходил довольно бурно. Не смотря на военное время, в городе нашлось немало желающих побороться за знаменитую коллекцию Давояна.

Медея сидела в углу и оживленно переговаривалась с английским журналистом Гарри Иденом. В противоположном углу, насупившись, устроилась в кресле супруга господина Давояна, мадам Грошольц, нервно теребя носовой платок. Присутствующие ее понимали, как-никак она законная супруга и вправе считать, что коллекция мужа это и ее собственность, в какой-то мере. Рядом с ней сидела незнакомая женщина средних лет, в модном платье бежевого цвета со вставками цвета морской волны и в такой же умопомрачительной шляпке.

- Вы не знаете, кто это дама? - обратилась к своему спутнику Медея. - Я ее что-то раньше не встречала.

- Это подруга дома Давоянов-Грошольц, госпожа Филиндер, она ингерманландка, у нее собственные дома и в Петрограде и в Гельсинфорсе. Дама весьма и весьма состоятельная, однако, я что-то раньше не замечал ее пристрастия к коллекционированию марок.

Между тем аукцион набирал обороты, принося солидную прибыль и аукционному дому, и бывшему владельцу коллекции. В заключение сего действия были проданы марки особого, самого ценного альбома, включающего в себя и две заветные марки с изображением Левиафана. Счастливым обладателем раритетов стал Европейский банкирский дом в лице его председателя, господина Бартерьева Вениамина Андреевича.

Радостный владелец альбома не стал задерживаться на финской земле и уже на следующий день отбыл в сторону туманного Альбиона на торговом судне под нейтральным шведским флагом.

Всю эту информацию в полном объеме ингерманландка Филиндер передала в Берлин, присовокупив к ней услышанные подробности от своей закадычной подруги. Вот уже много лет, как эта дама, обожающая экстравагантные наряды, верой и правдой служила господину Николаю, шефу германской разведки.

В результате ее донесения в море вышла немецкая подводная лодка U-20, под командованием Вальтера Швагера, который плевать хотел, под каким там флагом идет торговый корабль, но любил производить неизгладимое впечатление на капитанов судов, внезапно всплывая из морских пучин прямо у них по курсу.

Так произошло и на этот раз. Небольшое шведское суденышко было вмиг захвачено бравыми немецкими матросами, команда заперта в трюме, а Швагер беседовал в кают-компании с пассажиром Бертеньевым и капитаном судна по фамилии Свенсон.

Настроение у морского волка было великолепное. Его только несколько озадачивал тот факт, что из-за какого-то альбома с марками пришлось тащиться из теплого порта в весьма беспокойное Балтийское море. Ну, да начальству виднее.

- Ну с, уважаемый пленник, - с некоторой театральностью произнес Вальтер. - Показывайте мне, какие тут марки у вас самые ценные?

Капитан Свенсон сидел в углу на самом краешке стула и дрожал. Он много плавал и прекрасно понимал, что напав на нейтральное судно, немцы обязательно его потопят, убив всех, что бы замести следы.

Вениамин Андреевич напротив был словоохотлив, быстро взял в руки альбом, достал из него старый конверт и, вытащив две марки, протянул их офицеру.

- Вот эти. Они самые ценные, они стоят целого состояния, - произнёс он на хорошем немецком. - Надеюсь, мое сотрудничество с представителем германских войск будет зачтено?

Швагер повертел невзрачные марки в руках, ухмыльнулся и призвал на помощь сидевшего в углу капитана.

- Старина, ну-ка гляньте сюда. Как, по-вашему, эти клочки бумаги, с каким - то чудищем, могут стоять бешеных денег или наш уважаемый путешественник несколько преувеличивает?

Свенсон ничего не понимал в марках, но машинально взял их в руки и поднес на свет к иллюминатору... Через несколько секунд жизнь всех троих оборвалась.

Когда, спустя час, обеспокоенный полной тишиной, в кают-компанию заглянул помощник капитана немецкой субмарины Отто Лееман, он увидел три трупа и клочок бумаги, валявшейся на полу. Соблюдая морской закон о чистоте, он поднял бумагу и тут же упал на нее.

Немецкие матросы не стали ничего поднимать и исследовать, они просто потопили корабль с запертыми в трюме матросами и отбыли восвояси в родной Фатерлянд. Дотошный немецкий доктор, исследовав трупы командира подлодки и его помощника, не нашел никаких следов отравления и записал в отчете, что русский банкир Бартемьев применил к господам офицерам неизвестное науке смертельное средство, при этом и сам погиб по неосторожности. Шеф разведки, господин Николай, поставил на бумаге гриф «Совершенно секретно» и сдал дело в архив.

Глава 39.

После телесного общения с Меркурием, старый Казимир заболел. Не для его возраста оказалось заниматься рукопашным боем. Каторга брала свое. Медея приглашала лучших врачей, конечно из тех которые остались в городе, а не отбыли на фронт, по зову сердца. Врачи приходили, брали немалые гонорары, но улучшение не наступало. Дела в Ювелирном доме Давоянов шли неважно. Благодаря решительным действиям Рубена банкротства удалось избежать, но продажи падали с каждым днем. Война мешала экспорту готовых изделий и импорту сырья. Многие хорошие специалисты-ювелиры были призваны в армию и отбыли на фронт. Таяли накопленные сбережения семьи Олдман-Крулевских.

Медея находилась на грани отчаяния: если бы был жив Джон, он бы вылечил отца, найдя нужные лекарства. Наконец, в отчаянии, она обратилась к журналисту Гарри Идену с тем, что бы он помог найти английского врача. На соотечественников у нее надежды уже не было. И Иден помог. Через несколько дней он приехал в дом Медеи со шведским судовым врачом Кегельсоном. Врач осмотрел больного и выписал рецепт. Самое удивительное, что судовой врач не потребовал с нее денег, заявив, что друзья Гарри – его друзья, а с друзьями он денег не берет, тем более, что когда-то давно он встречался с Джоном Олдманом и помочь его вдове - большая честь.

Сразу после ухода мужчин, Медея завела «Руссо – Балт», что делала в последнее время крайне редко - бензина в Петрограде или не

было совсем, или он стоил баснословно дорого, и принялась объезжать все известные ей аптеки.

Но везде ее ожидало полное разочарование. Не то, что бы такого лекарства у них не было, о нем просто никто ничего не слышал.

Наконец, в одной небольшой аптеке в конце Васильевского острова старый провизор–еврей пояснил женщине, что такое лекарство можно найти только в Англии, а поскольку сейчас война, то выписать его оттуда никак не можно.

Почти истратив все горючее, Медея доехала до Английского клуба. Не смотря на ее прекрасное английское произношение и документы на имя Олдман, в клуб ее так и не пустили.

- Нет мадам, только в качестве гостя и с сопровождающим. И вообще дамы в этом здании, увы, не приветствуются, - ответил вышколенный лакей. Однако, после долгих уговоров, подкрепленных хорошей купюрой, он, наконец, согласился сходить и пригласить Гарри Идена.

Журналист выслушал рассказ женщины о ее мытарствах в поисках лекарства, с сожалением объяснил, что в ближайшее время домой на родину не собирается, но вот господин Кейбелл вполне возможно.

- Знаете ли, война войной, а бизнес, как говорится, по расписанию. Тем более, что наши страны союзницы.

На следующий день Медея встретила с Джеймсом Кейбелом. Тот, после долгих уговоров, согласился привезти лекарство, при этом посетовал, что ему придется изменить традиционный маршрут и ехать через нейтральную Швецию и княжество Финляндское, что резко увеличивает траты на дорогу.

- Что поделаешь, уважаемая госпожа Олдман, война, - констатировал торговец и произнес сумму, в которую должны обойтись его услуги по покупке и доставке нужного лекарства. Она была просто огромна. У женщины перехватило дух.

Всю ночь Медея не спала: расхаживая по дому, звонила Рубену, просила денег, он обещал помочь. Но даже для него сумма была более чем весомая.

Неожиданно, рано утром приехали Кейбелл и Гарри.

После утреннего чая торговец начал разговор без предисловия.

- Дорогая Медея, я догадываюсь, что у вас, наверняка, остались хотя бы две марки из славного города Т. А потому, не буду ходить вокруг да около и предлагаю ченч: два Левиафана в обмен на лекарство для вашего батюшки. Согласитесь, что маленькие бумажки стоят здоровья, а может быть и жизни дорого вам человека. Более того, я предлагаю отдать мне сейчас всего одну марку, а вторую только

тогда, когда лекарство прибудет в Петроград. Соглашайтесь, и не надо говорить, что марок у вас нет. Они наверняка есть.

Медея сидела молча, мозг ее напряженно работал - она не выполнила последнюю волю мужа и не уничтожила лист с марками. Она его наследница, марки по праву ее, ну, и дочери, конечно. А для них сейчас самое главное спасти отца и деда. И она решилась.

- Марки не здесь, вечером я передам вам одну у входа в Английский клуб. Только уезжайте скорее. Я так же напишу инструкцию, как с ними обращаться. Нарушите ее – погибните. А сейчас, господа, оставьте меня одну.

Закрыв за гостями дверь, Медея не выдержала, уселась на диван и разрыдалась.

Аннушка подошла тихо, не заметно. Она стояла возле плачущей матери ничего не спрашивала, только гладила ее по голове, где уже стали появляться первые седые волосы.

Глава 40.

Майк Иден был безмерно счастлив. Наконец, он заполучит хоть одну, а даст Всевышний, и две эти таинственные марки.

Кейбелл уже в пути. На этот раз никаких морских путешествий, только посуху. Ну, как посуху: Англия - остров и сюда можно только приплыть, но ему разработали путь через Финляндию, Норвегию, что бы в море находиться минимум времени. В Осло его будет ждать быстроходная шхуна, которая и доставит путешественника в Лондон. Лекарство для Казимира Крулевского уже готово и ждет своего часа. Лекарство, надо сказать, тоже не из дешевых, но марка того стоит. Обладать таким уникальным оружием может только подданный британской короны. Надо придумать, как подсунуть марку Вильгельму II и тогда войне конец. Или нет, ее надо переправить в Индию, там есть уж больно самостоятельный махараджа. Вот от кого надо избавиться в первую очередь, а уже вторую марку потратить на Германию. Ох, надо идти к начальству. Реджинальд Холл страсть, как не любит, когда подчиненные опаздывают с докладом, а мне еще и денег попросить надо. За все приходится платить, и весьма дорого.

Реджинальд Холл внимательно выслушал своего подчиненного, усмехнулся в отношении запрашиваемой суммы денег, однако обещал подумать. Решительно отклонил идею о передаче марки в коллекцию Вильгельма II, как практически невыполнимую, а вот в отношении Индийских бунтовщиков попросил подготовить подробный план. Еще раз попросил пересказать историю смерти Джона Олдмана, оставил у

себя всю папку по марке с Левиафаном и отпустил вспотевшего Майка восвояси.

Спустя несколько дней Кейбелл благополучно прибыл в Англию, а еще через несколько месяцев в жемчужине английской короны, далекой Индии, в городе Бомбее, при загадочных обстоятельствах погиб Хап Баял - один из создателей Индийского национального конгресса. Труп его нашли в номере отеля, прибывшие английские медики констатировали смерть от апоплектического удара.

Глава 41.

Наступил холодный декабрь 1916 года. Морозы стояли жуткие. На фронте дела шли все хуже и хуже. Солдаты дезертировали целыми полками. Многие, добравшись до Петрограда, бесцельно слонялись по городу, занимаясь грабежами и пьянством.

Медея заняла денег и Рубена, уволила Анастасию, выплатив все, что ей причиталось, дав еще немного денег на дорогу домой. Содержать прислугу ей было уже не по карману.

Ювелирные магазины Давояна практически не работали, гранильные мастерские уже давно были закрыты. Уныние и страх охватили женщину. Старый Казимир лежал целыми днями, почти не вставая. Медея теперь почти ежедневно ходила к Английскому клубу в надежде получить хоть какую-то весточку о сроках приезда Кейбелла.

Наконец, английский торговец приехал. Он привез столь необходимое лекарство и заполучил вторую марку с Левиафаном. В свою очередь, Гарри Иден вручил ему подорожную до Женевы, где ему надлежало связаться с представителем дома Вильгельма II и продать марку в коллекцию главы Германской империи.

Изрядно набравшись в Английском клубе, Кейбелл поймал извозчика и велел везти себя на окраину города, где и снимал приличные апартаменты. Ему осточертела война, ему осточертели постоянные разъезды, ему осточертела голодная Россия с ее бесконечными войнами и революциями. Ему хотелось спать, спать и спать... Затем добраться, наконец, до теплой и уютной Швейцарии, продать эту чертову марку, забрать себе приличные комиссионные и осесть там до конца этой жуткой войны. С этими мыслями торговец задремал.

Его разбудил удар в лицо. Возницы видно не было, зато хорошо были различимы две пьяные физиономии в солдатских шинелях.

- Так, ваше благородь, ссымай шубейку-то, - пробасил один, дыша сивушным перегаром прямо в лицо англичанина. А второй незатейливо, без всяких слов, полез к купцу за пазуху, нащупывая там бумажник.

Кейбелл был не из робкого десятка, тем более, когда находился в хорошем подпитии. Зажав одной рукой руку солдата, второй рукой торговец выхватил маленький браунинг, но выстрелить в нападавших не успел. Сильный удар в висок второго солдата сломил его волю к сопротивлению надолго.

- Ты посмотри, какая буржуйская гнида. Еще и палить собрался. А ну, давай его в прорубь.

Солдаты подхватили тело обмякшего Кейбелла под руки и потащили к Неве. Сняв с него шубу и обшарив карманы, они нашли деньги и конверт с маркой. Покрутив ее и так и этак, они бросили ее в воду, а затем туда же бросили и Кейбелла.

До берега дезертиры так и не дошли. Утром дворник-татарин обнаружил тела двух окоченевших людей в солдатских шинелях.

- Надо же, ведь и сухой закон ввели, а все едино, находят пакость этакую и упиваются в усмерть, - пробормотал дворник и пошагал за городовым.

Тело английского торговца, так никогда и не было найдено.

Глава 42.

От приема заграничного лекарства Казимиру Крулевскому стало лучше. Медея смогла раздобыть немного дров и муки. Через некоторое время вся семья собралась у камина и пила чай с пирогами.

- Хорошо как, - прошептала Аннушка. - Вроде бы и войны нет, тихо.

- Дорогие мои, - каким-то незнакомо-хриплым, уставшим голосом произнес Казимир. - Вы как хотите, а мне надо ехать на Кавказ. Я должен повидать могилу моей жоны Софико. Очень надо, понимаете? Обязательно! Мне бы очень хотелось, что бы мы поехали все вместе, но если не получится, я поеду один.

Наступила тишина, только поленья потрескивали в камине. Вдруг Аннушка бросилась к нему и обняла.

- Деда, возьми меня с собой. Я тоже хочу на Кавказ.

- И я, - тихо ответила Медея. - Раз так надо, все поедем.

На следующее утро, как всегда рано к ним заявился Рубен.

Узнав новость, что все собираются ехать на Кавказ, ни сколько не удивился и предложил:

- Если неделю, другую подождете, и я с вами. Надо наши дела в Иране налаживать. Там еще помнят, что такое хорошие украшения, да и денег у персов много.

Долго, очень долго добирались они до города Т. Поезда почти не ходили, всюду царствовала разруха, эшелоны с военными грузами стояли прямо на магистральных путях, мешая движению всех остальных поездов. Люди с мешками осаждали любой поезд, двигавшийся в сторону Юга. Новый год встречали где-то под Ростовом - поезд несколько дней стоял в бескрайней замершей степи. Холодный ветер гонял поземку, рельсы почти занесло, и постоянно матерящийся машинист уговаривал пассажиров принять участие в их расчистке.

Только в начале весны удалось добраться до места. Здесь и узнали, что в России царя уже нет, а есть какое-то Временное правительство. Кое-как обустроившись, все вместе отправились на местное кладбище.

Могилы Софико и ее родителей были в относительном порядке. Создавалось впечатление, что за ними кто-то ухаживал, но пару лет назад прекратил. Все остальные, рядом расположенные могилы, заросли очень сильно их почти не было видно из-за густой травы. Только одна могила какого-то художника Андрея Морова так же была несколько обихожена. Поодаль появилась новая могила бывшего почтмейстера города Т Арсения Николаевича Ягодина. Старый Казимир постоял возле нее, сняв свою любимую кепку, а потом тихо произнес:

- Дочка, мне осталось совсем чуть-чуть. Я это точно знаю. Родную Польшу я уже никогда не увижу. Обещай мне, что похоронишь меня рядом с моими родными. Ксенза здесь не найти, поэтому пусть все будет по православному обычаю. Я думаю, что всевышний в обиде не будет. Я очень долго жил в этой стране и стал почти православным.

- Что ты такое говоришь? - возмутилась Медея. - Мы еще долго будем жить все вместе и счастливо. Война скоро закончится, ты еще увидишь свою Варшаву.

- Не спорь с отцом, - как-то, не характерно для себя, резко ответил Казимир. - Я чувствую, что до следующей зимы недотяну. Я прожил долгую жизнь и сделал одну главную ошибку - нельзя менять семью на политику. Прости меня, Софико, я виноват перед тобой. А сейчас все за работу: давайте сделаем так, что бы могилы всех здесь лежащих, близких и не очень нам людей, были подобающими.

И сам первый принялся выкорчевывать сорную траву.

Целый день, они трудились на этом пятачке кладбища.

- Интересно, кем был этот художник? - спросила Медея. – Как занесло его в эти края и кто ухаживал за его могилой? Ты не знаешь? - обратилась она с вопросом к отцу.

- Нет, - тихо ответил старый Казимир. - Но подозреваю, что для семьи Асатиани он был не совсем посторонним человеком.

Возвращались уже затемно. Огней в городе практически не было, война сказывалась и здесь. Только в порту кипела работа, но и в порт кораблей стало приходить несравненно меньше, чем в прошлые годы.

Аннушка, с дедом шли позади, держась друг за друга.

- Эх, сейчас бы сюда наш «Руссо-Балт», - канючила девушка.

- Аня, ты же знаешь, если бы мы его не продали, нам просто не на что было бы ехать сюда, - ответила Медея. - Посмотри на деда, у него ноги, не чета, твоим, а идет себе и не ноет.

На следующий день Рубен собрался в дорогу. Его путь лежал в Тегеран. Медеи жаль было с ним расставаться. Она своим женским сердцем чувствовала, что расставание это будет долгим, если не бесконечным. Женщина обняла его, слезы предательски полились из глаз.

- Ну, ну, Медея, - успокаивал ее Рубен. - Все образуется. Я, как смогу, дам тебе знать и затем переедете ко мне. Вот только не знаю – куда? Бог дает испытания каждому по его силам, а ты у меня сильная!

- Рубен, мне лекарство нужно для отца, - тихо прошептала Медея прямо в ухо Рубена, что б стоящий поодаль Казимир не услышал. - Очень дорогое, сможешь?

- Конечно помогу, вот только не знаю, смогу ли я его раздобыть в Иране? Там много англичан, через них попробую. Ну, давай прощаться, мне пора.

Глава 43.

Незаметно и быстро прошла весна. Наступило горячее южное лето. Медея подрабатывала в порту переводчицей. Денег платили мало, едва хватало на скудное пропитание и на жилье. Казимир пытался было устроиться на прежнее место работы, но предприятие, в основном, простаивало. Да и здоровье старика лишала его возможности найти какую-либо серьезную работу. От Рубена не было никаких вестей. Где-то там, далеко в России, проходили митинги. Партии боролись за власть всеми доступными и недоступными методами. Здесь же время как будто бы остановилось.

Изредка на городской площади какие-то люди агитировали за новую власть, призывали скинуть Временное правительство, но

обыватели, молча постояв и послушав, расходились по своим делам, возможно, мотая услышанное на ус. Дома свои, как и прежде, они не запирали, так как богаче жить не стали, а замки тоже денег стоят. Зато овощей и фруктов было вдоволь. Стоили они удивительно дешево и Аннушка отводила душу, потребляя фруктовые сласти в невероятных количествах.

К концу лета Казимир почувствовал себя хуже. Он по долгу сидел на крылечке и смотрел на море; почти ничего не ел, сильно исхудал и утробно кашлял. Медея приводила к нему местных лекарей, но те только разводили руками. В один из августовских вечеров, Медея нашла отца прислонившимся к перилам крыльца уже бездыханного.

Потратив все имеющиеся деньги, они с дочкой похоронили Казимира Крулевкого рядом с Софико и четой Асатиани. Местный батюшка долго не хотел отпевать поляка, но увидел, что на теле покойного висит православный нательный крестик, наконец—то согласился, попросив у Медеи плату вдвое больше положенного.

Аннушка, спросила мать:

- Откуда у деда такой крестик? Я его что-то раньше не видела.

Медея смущаясь пояснила, что этот крестик, на шею отца надела она. Нельзя, мол, что бы божий человек ушел из жизни так, без отпевания, а католических ксензов в этом городе нет.

- Я думаю, что Бог простит меня за это: дед твой хорошим человеком был, правильным. А Бог, он един, что у православных, что у католиков, что у протестантов.

Больше в этом городе мать и дочь ничего не удерживало. Поднакопив немного денег, они решили пробираться назад в Петроград. Вполне возможно, что Рубен, уже там либо в Гельсинфорсе и что-нибудь придумает и для них.

Глава 44.

Ехать назад оказалось еще труднее, чем в город Т. Прямых поездов не было, бесконечные пересадки и штурм вагонов измотали Медею и Аннушку сверх всякой меры. Наконец, каким-то чудом им удалось оказаться в вагоне, да еще в купе поезда идущего через украинские степи на Москву.

Ночью поезд остановился где-то в степи, какие-то люди с факелами бегали вдоль поезда, орали и матерились не умолкая. Дверь их купе с резко запахнулась, на пороге стояли три человека в рванной полувоенной форме, от всех пахло сильнейшим перегаром, несвежим салом, чесноком и многодневной грязью.

- Так, вы двое, брысь отсюда, - прохрипел один из вошедших, указывая на двух пожилых женщин-попутчиц. - А вы, буржуйские отродия, готовьтесь. Сейчас ответите нам за угнетения рабочего народа!

Он смачно выругался и громко рыгнул. Аннушка и Медея забились в угол, с ужасом представляя, что сейчас произойдет.

Один из бандитов в нетерпении стал расстегивать пуговицы на штанах и отбросил в сторону ремень с кобурой. Все мужики дружно загоготали.

И вдруг Медея, найдя в своей голове когда-то давно заученные слова, стала в отчаянии произносить проклятия, услышанные от Софики много лет тому назад.

Ужасные слова сами собой слетали с ее губ, и нападающие как-то разом смолкли, потом остолбенели и стояли абсолютно белые. Шапки на их головах поднялись, так как вдруг волосы бандитов встали дыбом.

Медея и Аннушка закрыли глаза, а когда открыли их, то в купе уже никого не было. Поезд потихоньку тронулся, все быстрее и быстрее удаляясь от места вынужденной остановки.

- Мама, - дочка прижалась к Медеи. - Что это было? Что ты им такое сказала?

- Аннушка, наверное, пришло время рассказать тебе то, что рассказывала мне твоя бабушка Софики, а ты, даст Бог, расскажешь когда-нибудь своей дочке, - ответила женщина каким-то тихим, не своим голосом.

Медея долго рассказывала девушке о тайне семьи Асатиани, о марках с Левиафаном и о тех несчастьях, которые преследуют владельцев этих марок.

Аннушка, как когда-то ее мать, долго заучивала непонятные заклинания. Но в отличие от нее делала это с большой охотой и старанием. Перед ее глазами все еще стояли пьяные бандиты, от которых сильно воняло перегаром и чесноком.

Долго, бесконечно долго добирались они до Петербурга. Мерзли в вагонах и на станциях, им приходилось добираться до городов на попутных телегах, ночевать в крестьянских хатах. В дороге они узнали, что Временного правительства уже нет, а есть какие-то Советы народных депутатов, что с немцами, вроде бы, как мир, однако война еще идет; что Финляндия теперь самостоятельное суверенное государство, а Гельсинфорс теперь называется Хельсинки.

Наконец, измученные, исхудавшие и голодные они добрались до своего дома.

Глава 45.

Дверь им открыл здоровенный матрос в тельняшке. Погоняв папиросу из угла в угол рта, он крикнул куда-то в глубину дома:

- Слышь, Анастасия, тут твоя бывшая прибыла. Ее как, сразу в зашей или сначала побалакаешь?

Вытирая руки о передник, к ним вышла их бывшая няня. За прошедшее время женщина изрядно пополнила и была похожа на торговку с Сенного рынка.

- Здасте вам. А мы уж тут и не чаяли вас увидеть. Думали, за границу подались или вообще сгнули где-то. Времена-то сейчас лютые, вашему брату-помещику ох, как не сладко приходится. Ну, да ладно, я женщина добрая. Давайте, заходите, чего ж под дверью на морозе маяться?

Бывшая домработница проводила Медею и Анну на кухню, налила пустого кипятка.

- Извиняйте, нынче ни сахару, ни заварки нету. Так, что отогревайтесь вот горячей водицей. А ежели у вас какие запасы имеются, так выкладывайте на стол, у нас нынче все общее. Одно слово – коммуна.

Мать с дочерью молча глотали кипяток, мало что понимая в речах пухленькой женщины. Анастасия вытащила откуда-то несколько ржаных сухарей, подержала их над паром, а когда они размякли, протянула Аннушке.

– Ешь, пока теплые. Ежели застынут - зубы сломаешь. Значит так, господа бывшие хозяева, - продолжила хозяйка. - Дом ваш это, как называется, сейчас выговорю - экс-про-приировали, - по слогам произнесла она мудреное слово, - Для нужд рабочего народа. Теперича я тут проживаю со своим, значит, мужем Еремеем. Да вы его видели, матрос с Балтики. Да еще с пяток семей здесь обитают. Хватит, значит, рабочему люду по баракам слоняться, пушай теперь все поживут в тепле и уюте. Так наша новая власть говорит. Ну, а раз вы не сгнули и за границу не драпанули, то и я, следовательно, добро помню.

В это время на кухню зашел матрос Еремей.

- Нюся, что ты с ними баланду травишь? Попили чайку и пусть катятся на все четыре стороны. Зюйд вест им вподмогу.

- Цыц, Еремей, закрой поддувало! - неожиданно гаркнула на него Анастасия. - Я добро за всегда помню: эти люди мне слова худого не сказали, делились со мной тем, что имели, денег на дорогу дали, когда совсем худо стало. Девочку вот эту, Аннушку, я с малых годков воспитывала, по голове через нее получила от лихих людей. Выходит

они, какая никакая, а есть мне родня и жить они будут в моей бывшей комнате.

И повернувшись к Медее, добавила:

- Уж не обессудьте, все лучше чулана. А ты муженек, сообщи всем домочадцам, чтоб людей этих забижать не смели. Они и так уже натерпелись в дороге. А Медея Казимировна женщина образованная, грамотная, еще нашей родной власти послужит. Мировая революция, она ж не за горами.

Аннушка, согревшись кипятком и умявшая между делом все сухари, сидела и клевала носом. Анастасия это заметила, подняла ее и скомандовала:

- Пойдемте, я ваши новые апартаменты показывать буду.

Глава 46.

Они лежали вдвоем на узкой няниной кровати. Аннушка заснула мгновенно, как только голова коснулась подушки.

Медея не спала. Не смотря на жуткую усталость, сон не шел. Ей вспомнилось, как она радовалась покупке этого дома. Как ей казалось, что здесь она обретет свое счастье. «Почему дочь человека, столько сделавшего для этой чертовой революции, половину своей жизни проживший на сахалинской каторге, должна ютиться в комнате прислуги? А Рубен, он ведь давал деньги на эту революцию, много денег. Неужели они, эти новые властители страны, это все забыли? Где он сейчас Рубен Каренович Давоян? Может быть, он совсем рядом в городе, который сейчас называется Хельсинки? Но это уже другая страна и в нее просто так не попасть. А, может быть, он поселился в Тегеране или Багдаде или еще где-то и совсем забыл о ней и Аннушке?

А кто собственно она ему? Жена? Нет. Любовница, разве что бывшая. И что собственно теперь держит ее в этой стране? Жилья нет, работы нет, могилы родственников очень далеко и не факт, что они останутся в этой стране, а не в какой-нибудь другой, тоже независимой. А что у нее там? Там у нее дом покойного мужа, друзья, которые его помнят и, наверняка, помогут его вдове и дочке. Там нет революции, и там не пьют горячую воду, а пьют английский чай. Да, там тоже война, но она, как говорят, вот-вот должна закончиться. И так, решено - из этой страны надо уезжать. Но как? У нее совсем нет денег, никаких. Нет драгоценностей, нет вещей, которые можно продать.

Стоп, почему нет? Анастасия принесла сюда сундук с ее вещами, а там должны быть четыре чертовы марки. Они стоят уйму денег. Но кому их продать? Остались в стране сумасшедшие филателисты или

уже все уехали в сытые и теплые страны? А Иден, а Кейбелл? Где они сейчас? Английский клуб, конечно, закрыт и, все таки решено - завтра она начнет хлопотать о выезде за границу. Ей должно, наконец, повезти».

С этой мыслью Медея погрузилась в сон. Без сновидений и кошмаров. В сон сильно уставшей и постаревшей от невзгод женщины.

Глава 47.

С утра начались походы по всяческим вновь созданным комитетам и комиссиям. Никто не знал, когда и как можно уехать в Англию, ходят ли туда пароходы и какие документы должны быть оформлены при этом? Английский клуб был закрыт наглухо, однако, как ни странно, работало Английское консульство, в котором ее внимательно выслушали, сообщили возможное, весьма примерное расписание торговых судов, выписали необходимые документы и даже, о чудо, выдали немного денег.

Оказывается ей, как вдове, и ее дочке положен небольшой пенсион, который она может получить в полном объеме по прибытию в Лондон, а сейчас господин консул распорядился выделить ей небольшое пособие на проживание. Куда пропал господин Кейбелл, в консульстве не знали. Он должен был выехать в Швейцарию, но добрался он до сей благодатной страны или попал в руки немцев, точной информации не было. Гарри Иден в настоящее время пребывал на родине, но должен был вернуться, как только представится возможность.

Окрыленная известиями, полученными в консульстве, Медея направилась в грозное учреждение под названием «Центральное эвакуационное управление» («Центрэвак»). Толпа в это здание стояла преогромная. Люди сутками не уходили, боясь пропустить свою очередь. На площади жгли костры. Какие-то шустрые личности тут же торговали номерами. Медея поняла, что попасть внутрь ей поможет только чудо.

Ни на этот день, ни на следующий, но через неделю это чудо произошло.

Медея совсем отчаялась попасть хотя бы в здание «Центрэвака», тихо стояла у костра и грела озябшие руки. Если купить номер в очереди, то денег совсем не останется и есть будет нечего; если продать одежду, то из дома не выйдешь - замерзнешь.

И тут кто-то сзади хлопнул ее по спине. Медея вздрогнула и обернулась. Сзади стояла сухонькая старушонка. Женщина вспомнила,

что когда-то видела это лицо. Оно было ей противно. Что-то очень гадкое сделала эта старуха, но точно вспомнить не могла.

- Ты меня уже и не помнишь, - со старческим скрежетом в голосе проговорила собеседница. - А жаль. Ладно, пойдем со мной, я проведу тебя в эту контору, коль тебе так сюда надо.

Она взяла Медею за холодную руку и повела к входу в «Центрэвак». Стоящие на входе матросы с винтовками кивнули ей, пропуская внутрь.

- Эта со мной, - скрипнула старуха и повела женщину дальше.

Она провела ее в конец коридора и завела в захламленный кабинет. Всюду валялись какие-то пыльные папки, обрывки бумаги. В углу на маленьком столике стояла пишущая машинка «Ундервуд».

- Садись, - старуха указала на колченогий расшатанный стул в углу комнаты. - За границу намылилась? Новая власть тебе не по нутру, крабов с омарами тебе подавай. Шиш бы я тебя отпустила, да вот отец твой когда-то здорово нам помог. К стати, жив-то поляк или помер уже?

- Нет отца, - ответила Медея, наконец, вспоминая, кому принадлежит это сильно постаревшее, но до боли ненавистное лицо.

- Вижу, узнала, наконец, - злобно пробормотала старуха. - Как видишь, жива до сих пор и партия поставила меня решать, кого выпускать отсюда, а кого прямо к стенке. Но ты у меня уедешь, даже не сомневайся. Но не за так, а за все свои оставшиеся марки. Сколько их у тебя? Только не ври! Матросики придут, все у тебя вверх дном перероют и задаром заберут, а я же тебе их обменять предлагаю, на бумагу выездную. Ну, так сколько? - гаркнула, вставая из-за стола Этери.

- Только две, - соврала Медея и от этой лжи, кажется, покраснела, но в комнате царил полумрак, да и глаза у старухи были уже не те, что бы разглядеть румянец на впалых щеках женщины.

- Значит, так, - продолжала Этери. - Идешь за марками, я готовлю документы. Встречаемся, помнишь где? Правильно, возле Исакия в восемь вечера.

Медея ушла, а Этери села писать подробную докладную записку самому Григорию Зиновьеву. Она писала долго, руки уже плохо слушались ее. Писала, что эти марки - страшное оружие в борьбе с врагами пролетарской революции. Описала, как много лет назад при помощи этой марки был казнен предатель их организации.

За стенами здания бесновалась толпа жаждущих покинуть революционную Россию, но уполномоченная Этери в этот день не принимала никого. Наконец, она закончила свою работу, подготовила

необходимые бумаги на выезд для Медеи Олдман-Крулевской и ее дочери Анны, нашла старые вязаные перчатки и поспешила к Исакиевскому собору.

Глава 48.

Медея после разговора с Этери с трудом доковыляла до своего дома. Путь был неблизкий, на извозчика денег тратить было жаль. По дороге в голове у женщины созрел план мести за все страдания и унижения, полученные от этой старухи.

Дома, на кухне, Медея застала Анастасию и еще каких-то незнакомых женщин. Кто-то вываривал белье в больших чанах, кто-то рядом готовил обед из рыбьих хвостов и головы. Медея попросила Анастасию зайти к ней в комнату. Аннушка спала, свернувшись калачиком.

Женщины уселись на краешек кровати и говорили шепотом, что бы не разбудить спящую девушку.

- Я сегодня вечером, встречаюсь с Этери, по поручению которой тебя и меня избили в парке, а Аннушку похитили. Хочешь за это отомстить?

- Да с превеликим удовольствием! - воскликнула Анастасия и покосилась на спящую, уж не разбудила ли часом?

- Да я своему скажу, он мигом справедливость восстановит.

- Пусть твой Еремей справедливость восстанавливает только после того, как эта женщина передаст мне, бумаги.

Далее двумя женщинами был разработан детальный план.

В назначенное время Медея передала Этери конверт с двумя марками. Старуха открыла его, вытащив марки рукой, одетой в перчатку, после чего бросила пакет с документами на землю. Пока Медея наклонялась за бумагами, Этери смешалась с толпой и пошла напрямиком к Смольному.

Но молодые и зоркие глаза вперед смотрящего Еремея не упустили ее из виду. В темном переулке питерских колодцев он догнал старуху и опустил на ее голову пудовый кулак. Старая женщина свалилась, как подкошенная. Еремею было велено обыскать старуху и забрать все ценное, что он и исполнил, забрав немного денег и различные продуктовые карточки. Конверт с какими-то клочками бумаги он ценным не посчитал и, скомкав, отбросил в сторону, как раз под колеса проезжающего автомобиля с солдатами.

Поскольку солдат, ехавших в кузове грузовика, было много, то они все отделались сильнейшим расстройством желудков, да сыпью по

всему телу. Полковой фельдшер, осмотрев больных, глотнул из фляги чистого спирта, сугубо для дезинфекции, крикнул и философски заключил:

- Съели чего-то, ироды. Жрут всякую дрянь, потом животом маются. И прописал всем очистительные клизмы.

На том лечение и закончилось.

Глава 48.

Медея и Аннушка собирались в дорогу. В консульстве сказали, что английское торговое судно должно прибыть в столицу независимой Финляндской Республики в конце месяца, в Петроград оно заходить не будет. Но через неделю из Петрограда отбудет грузопассажирский корабль «Санрайз», который зайдет в Хельсинки и проследует далее на Стокгольм. Консульство оплатит проезд госпоже Олдман и ее дочери до Лондона, но вот проживание в Финляндии они должны оплачивать сами.

Медея испытывала двоякое чувство. Она - русская, хотя найти в ней хоть каплю русской крови, не возможно; она вдова подданного английской короны, но ни разу в этой стране не была. Ее отец отдал жизнь за независимость Польши и вот Польша независимая республика, а она, дочь Казимира Крулевского, не испытывает от этого никакого восторга. Наоборот, где-то в глубине души считает, что ее Россия отдала какую-то часть себя.

Через несколько дней она навсегда покинет эту огромную страну. Где-то там далеко у нее есть дом ее мужа и, наверняка, есть дальние родственники. Надо будет обустроиваться на новом месте. Аннушке необходимо будет учиться, получить хорошее образование. Из ценностей у нее осталось только две марки, но возможно Рубен уже в Финляндии и он поможет своему партнеру на первых порах. Конечно, если будет чем. В Хельсинки еще живет и мадам Грошольц. Вот кому бы она с удовольствием подсунула марку с Левиафаном, но никогда не сделает этого. Она даже не может чем-либо отблагодарить Анастасию, за то, что она приютила их с дочкой в их собственном доме.

Кого она хочет навестить напоследок? Пожалуй, что никого. Все ее друзья и сослуживцы куда-то исчезли, магазины и ювелирные мастерские национализированы новой властью. Как не старался Рубен Давоян, пришедшие, в том числе и на его деньги, к власти товарищи марксисты исключения не сделали, отобрали все подчистую. Кто теперь будет развивать ювелирное искусство? Появятся ли у большевиков мастера граверы, гранильщики, мастера-ювелиры, о

которых знает весь мир? Может быть, и появятся, но очень не скоро, потому, что кольца, серьги, колье и браслеты покупают только сытые люди, уверенные в том, что они будут сытыми и завтра и после завтра, и всегда. А пока такой уверенности нет, нет и рынка для нашей продукции. Но ведь и у большевиков есть начальники и большие начальники, а у всех этих начальников есть жены, любовницы и дочери, которые любят бриллианты и изумруды. И еще можно делать изделия на экспорт. Карл Маркс, вроде бы, торговать не запрещал. Так что, скорее всего, наши мастерские откроются. Вот только откуда они возьмут сырье? Ну, раз они взяли власть, то решат и проблему с сырьем... Но уже без Медеи Олдман-Крулевской.

Глава 49.

С опозданием на девятнадцать часов пароход «Санрайс» добрался-таки до Петербурга. На пристани его ожидала разноголосая толпа счастливых, получивших заветное разрешение от новой власти покинуть собственную Родину.

Тюки, баулы, чемоданы и коробки постоянно перемещались с одного места на другое. Люди теряли в толпе друг друга, истошно кричали и напирали на трап, доступ к которому преграждали brave матросы, исполняя разом обязанности пограничного контроля и таможенной службы.

Медея с Аннушкой жались друг к другу, пытаясь согреться на пронизывающем балтийском ветру. Вещей у них практически никаких не было, только небольшая сумочка, да узелок с пожитками. Наконец, толпа кое-как образумилась и посадка на корабль началась. Матросы, обыскивали всех: ни сколько не смущаясь, шарили у женщин за пазухой; лапали и шупали, при этом с хохотом отбирая любую понравившуюся вещь. Особенно выделялся высоченный матрос Иван Подбородько. Силы у него было, хоть отбавляй, поэтому всех недовольных он просто поднимал над собой и, гогоча, бросал назад в напиравшую толпу. Рядом с матросами стояли мешки, в которые летели женские украшения, собольи шапки и шубы, какие-то статуэтки и даже книги. Наконец, очередь дошла и до Медеи с Аней. Быстро вывалив содержимое дамской сумочки прямо на землю, матроса Подбородько заинтересовал только тонкий конверт.

- Что там, валюта? - любопытствовал он.

- Марки, - еле слышно и холодея от ужаса, ответила Медея.

Матрос наклонился, поднял конверт, вытащил листок с двумя марками.

- Наверное, ценные, - вертя в руках Левиафанов, сказал Матрос. - Ладно, дамочка, я сегодня добрый, с народом надо делиться: одну тебе, одну рабочему классу, - и, разорвав лист пополам, протянул вторую марку Медеи.

Женщина была в полуобморочном состоянии, поэтому машинально взяла марку рукой, перчаток у нее не было, и просто положила в карман. Вторая марка отправилась в карман матроса.

- Покажу нашему комиссару, он мужик башковитый, враз оценит эту бумажку.

Пароход дал гудок и отчалил. Мать и дочь стояли на корме и смотрели на уплывающий огромный город. Рука, в которой побывала марка, начала понемногу болеть.

Матрос Иван Подбородько, закончив свою тяжелую работу, как и все, взвалил на спину мешок с отобраным у буржуев добром и двинулся в сторону портовой конторы. Пройдя несколько метров по деревянному мосту, вдруг неожиданно закачался и полетел вместе с мешком в темную воду Финского залива.

Глава 50.

В каюте корабля, рассчитанной на 4-х человек, разместилось человек двадцать. Англичане умели делать деньги на горе людей, вынужденных покидать свою страну. Медея и Аня кое-как разместились в углу у стенки. Спать в такой тесноте и духоте было не возможно, выйти на палубу на пронизывающий ветер, значит потерять и этот заветный кусочек каюты.

- Мама, - тихо проговорила дочь. - Ты прости меня, пожалуйста.

Она гладила руку матери, которая совсем онемела, но при этом продолжала болеть.

- Ты взяла эту проклятую марку голой рукой. Значит, ты скоро умрешь?

- Я тоже об этом думаю, - ответила Медея.

- Мне кажется, что я не умру, вернее, умру конечно, но не сейчас. Понимаешь, дочь, твоя бабушка Софико когда колдовала над этими Левиафанами. Она никого не хотела убивать, она хотела только проучить кого-то, кто сильно ее обидел. Но она не рассчитала силы своего заклинания и на свет появились марки-чудовища. Но и они тоже на различных людей действуют по разному: одних убивают почти мгновенно, других через какой-то промежуток времени, третьи от соприкосновения с ними, только сильно болеют. Природа этого заклинания очень древняя, но твой дед не зря назвал меня Медеей, в

честь дочери колхидского царя Ээта, жрицы самой богини Гекаты. Я думаю, мое имя мне поможет и еще, самое главное. Ты, конечно, у меня уже взрослая. Почти опираешься на крыло, но из гнезда еще не вылетела. Значит, тебе нужна опека матери, и пока эта опека тебе нужна, я буду жить.

- Мама, - со слезами на глазах промолвила Аннушка. - Ты мне всегда будешь нужна. Значит, ты будешь жить вечно.

- Так не бывает.

Медея гладила здоровой рукой волосы дочери и продолжала:

- Все в этом мире приходит конец. Но мы с тобой еще будем счастливы и я, даст Бог, увижу свою внучку.

- Почему внучку? - вытирая слезы и уже улыбаясь, спросила Аннушка.

- А потому, дорогая, что гены рода Асатиани сильнее всех остальных и наша тайна передается только по женской линии. Так что, у тебя будет девочка, это обязательно. Ну, и мальчик, наверное, тоже.

Девушка успокоилась и задремала на плече матери. Народ в каюте тоже кое-как утомился. Тяжело и натужно ухали поршни в двигателях перегруженного корабля. Те, кто не спал, думали, какая жизнь их ждет теперь в чужих краях? Как они проглядели рождение гигантского Левиафана, который теперь пожирает и чужих и своих? А тех, кто сумел проскочить мимо его мерзкой пасти, он взял да и вышвырнул своим огромным хвостом куда-то в другие далекие страны, где возможно есть свои местные Левиафаны. Дай Бог, что бы не такие злобные и ужасные, как бывшие и настоящие российские.

Глава 51.

Хельсинки, столица нового суверенного государства, встретила новых эмигрантов таким же холодным и пронизывающим ветром, как и в родном Питере. Им предстояло идти пешком почти через весь город. Деньги, полученные в Британском консульстве, заканчивались и были предназначены только на еду. Город выглядел практически пустым. Все, кто мог, попрятались по домам или ресторанчикам. Медея вспомнила веселое время, когда она с Рубеном наслаждалась здесь изысками местной кухни.

Вдруг рядом с ними остановился конный экипаж и старый финн на ломанном русском языке предложил:

- Садитесь, дамы, в карету. Нельзя в такую жуткую погоду совершать прогулки. Очень можно сильно забболеть.

- Спасибо, - через силу улыбнулась Медея. - Но у нас совсем нет денег.

Финн помолчал минуту, его лошадь переминалась с ноги на ногу.

- Садитесь за так, денег не надо. Лошадь тоже мерзнет, ей надо двигаться много, что бы согреться. Раньше лучше был, много русский офицер экипаж требовал, дам возил в лес, на сопки, к морю. Теперь плохо совсем: офицер нет, денег нет. Мы, финны, народ очень бережный, как это по- русски - экономнительный, на экипаж денег жалко. Так что давайте, быстрее садитесь, лошадка ехать хочет. Ей стоять холодно совсем.

Заботливый финн укутал их старой бараньей шубой и повез к дому Рубена. Высадив их у калитки, финн развернулся, а Аннушка подбежала и звонко поцеловала его в небритую щеку.

Мать нерешительно стояла возле звонка.

- Звони же скорее, звони, - взмолилась девушка. - Чего же ты ждешь?

Медея в нерешительности продолжала стоять. Если его нет, Виктория Грошольц просто не пустит их на порог. Как может относиться законная супруга к возможной сопернице? Но, может быть, она знает, где он и расскажет? Это тоже дорого стоит.

Медея постояла еще с минуту и нерешительно здоровой рукой нажала на кнопку звонка.

К ним вышла сама хозяйка, укутанная в какие-то теплые платки, совсем не ухоженная и сильно исхудавшая. Она удивительно тепло встретила замерших путешественников и проводила их прямо на кухню.

- Прислуги в доме нет. Я сама, как могу, управляюсь, - как-то заискивающе проговорила Виктория. - Да вы располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Сейчас я организую горячий чай. В доме тепло только здесь и в спальне. Я больше нигде не топлю, экономлю.

Медея смотрела на нее и понимала, что в этом доме тоже поселилась беда.

- Ну, что же вы не спрашиваете про мужа? - опережая события, спросила мадам Грошольц. - Я же сказала - не надо стесняться, мы ведь с вами почти родственники. Пейте чай. Вот есть печенья, правда сухие. Я вам все сейчас расскажу.

Муж удачно съездил и в Иран, и в Англию. Его не потопили немецкие подводные лодки, его нигде не взяли в плен. У него стал потихоньку налаживаться бизнес, но его посадила в тюрьму моя лучшая подруга Эмма Филлиндер. Когда-то давно Рубен занял у нее

кучу денег. Я об этом ничего не знала, а сейчас эта тварь предъявила их к оплате. Теперь он в долговой тюрьме.

- Как в тюрьме? Где в тюрьме? - чуть не поперхнувшись горячим чаем, воскликнула Медея.

- Здесь, в Хельсинки, - как-то спокойно и обреченно ответила Виктория.

- И вы ничего не делаете, что бы вытащить его оттуда? - продолжала Медея. - Надо же, что-то делать и немедленно.

- Все, что я могла, я уже сделала, - так же по-скандинавски невозмутимо продолжила мадам Грошольц. - Я заложила свои магазины в Швеции, я заложила этот дом, я почти собрала нужную сумму... Если бы не ваша революция, но наших активов вполне хватило бы, что бы погасить все векселя.

- А занять у кого-нибудь можно? - вступила в разговор все это время молчавшая Аннушка.

- Здесь больше не у кого. У меня есть немного денег, и я устрою вам встречу с Рубеном, - сказала женщина и, отвернувшись, закашлялась.

- А можно сегодня? Давайте прямо сейчас»,- попросила Медея.

- Вот допьем чай, вы согреетесь с дороги и тогда пойдем. Здесь недалеко. Мне еще вам надо что-то очень важное сказать.

- Виктория, у нас билеты на пароход до Лондона. Мы скоро уедем. Можно мы пока здесь поживем? - умоляюще попросила Медея.

- Конечно, можно и даже нужно, - улыбнувшись одними кончиками губ, ответила Виктория. - Вот об это я и хочу поговорить, только вы, пожалуйста, меня не перебивайте. Для меня все это очень тяжело. Как вы знаете, у нас с Рубеном детей нет, и уже никогда не будет. Я знаю, что Рубен любил и любит только тебя.

Медея открыла было рот, чтобы возразить, но Виктория остановила ее жестом.

- Я уже давно не излечимо больна. Я лечилась и здесь, и в Европе. Наступало улучшение, но не на долго, и вот мне осталось совсем чуть-чуть. Я хочу, чтобы он уехал вместе с вами или, если не получится, то приехал бы к вам и жил в Англии.

Медея опять хотела что-то сказать, но не смогла и продолжала молча слушать.

- Ты и твоя дочь сделаете его, наконец, счастливым. Он это заслужил. А я скандинавка, я должна уйти одна. Я не хочу его сочувствия и его жалости.. Надеюсь, это понятно? Нам теперь нечего делить и вы для меня такие же родственники, как и он. А теперь пошли, уже скоро стемнеет.

Рубен пришел в неопиcуемый восторг, увидев Медею и Аннушку. Никого не стеснясь, он расцеловал обоих. Прижал к себе Медею, начал говорить ей на ухо:

- У тебя марки остались? Хотя бы одна? Надо отдать ее этой чертовке - Эмме Филиндер. Пусть подавится, и заведи у нее все мои векселя и немедленно сожги. Только не говори, что у тебя нет ни одной марки.

Медея, прикусила губу, так как Рубен, обнимая, сжал ее больную руку. Превозмогая боль она прошептала:

- Есть одна скомканная, в кармане лежит.

- Тогда иди и сделай, что я прошу. Тогда уже завтра я буду с вами.

- А эта ингерманландка знает, как обращаться с марками? - спросила Медея.

- Во всех тонкостях нет, но они ей очень для чего-то нужны.

«Ну, что ж, она эту марку получит», - подумала женщина, чмокнула Рубена в щеку и вышла.

Глава 52.

Прежде чем поехать к Эмме, Медея попросила у Виктории пару прочных кожаных перчаток. Мадам Горошольц долго рылась в шкафу. Наконец, нашла именно те, что требовались.

Аннушку с собой не взяли, отправив отсыпаться на кухню, постелив при этом ей на двух сдвинутых креслах, рядом с горячей плитой.

Ингерманландка была сильно удивлена визитом двух женщин, но узнав цель их визита, тут же потребовала показать марку. Медея, не снимая перчатки, вытащила из рукава помятую марку и показала ее Эмме.

- Сначала все векселя и документы, с металлом в голосе произнесла Медея.

- А вдруг это подделка? - возмутилась Филиндер. - Я должна показать марку специалисту.

- Я скоро уезжаю и больше вас тревожить не буду. Вам нужна марка, так забирайте сейчас, иначе ее с удовольствием заберут другие.

И Филиндер не выдержала, она убежала в другую комнату. Послышался скрежет отпираемого сейфа.

- Берите, здесь все векселя и расписки вашего Рубена, а мне давайте марку.

- Нет, Эмма, - вступила в разговор Виктория. - Будь добра, напиши расписку для полиции и суда, что ты больше не имеешь никаких

претензий к господину Рубену Кареновичу Давояну. Тогда и получишь этот клочок бумаги.

Эмма обменяла расписку на марку и тут же стала рассматривать ее на свет.

Женщины, не отпуская извозчика, прямо от дома Филинглер поехали в тюрьму освобождать Рубена.

Ингерманландка умерла не сразу. Она еще долго рассматривала марку и представляла, какую награду получит за нее в Германской правительственной канцелярии? Потом ей стало плохо, ее знобило. Она придвинула кресло к камину, но ценную реликвию боялась выпустить из своих рук. Лишь теряя сознание, она увидела перед собой страшного Левиафана и в ужасе швырнула в него скомканной маркой. Клочок бумаги полетел в огонь камина, но было уже поздно. Последний Левиафан сделал свое черное дело и сгорел, как подобает всякой нечисти в очистительном огне.

Эпилог

Виктория, как истинная скандинавская женщина, настояла на своем. Никакие уговоры Рубена и Медеи не изменили ее решения. Она требовала, что бы ее оставили одну.

Она сама пошла в Мэрию и, используя все свои связи и авторитет, развелась с «неверным мужем» Рубеном Давояном, при этом почему-то почти все финансовые активы достались бывшему мужу. Старый усатый нотариус покрутил руками длинный седой ус и заявил, что он много повидал на своем веку, но что бы такое.. И шлепнул печать на составленный документ.

Дом Олдманов в графстве Кент, оказался весьма приличным и хорошо сохранился. Медея получила причитающиеся ей, как вдове, финансовые средства. Рубен постоянно пропадал в Лондоне, восстанавливая прежние связи в ювелирных и финансовых кругах делового центра.

Казалось бы, все образумилось: буря отгремела и ушла, осталось только навести порядок. Но не тут-то было.

Однажды вечером после ужина Рубен затеял странный разговор.

- Скажи, Медея, где сейчас твоя Родина?

- Странный вопрос, дорогой мой супруг. Конечно же Родина моя Россия, а Англия - это только место жительства. А у тебя, что другая Родина?

- И у меня Россия, - тихо и задумчиво ответил супруг.

- И к чему это разговор? - допытывалась женщина.

-А к тому, что я и раньше, как мог, помогал Родине. И сейчас ко мне обратились люди оттуда, и я решил, что буду им помогать. Понимаешь, дорогая, Родину не выбирают. Правители бывают разные, в основном плохие и ужасные, но Родина от этого хуже не становится. Надеюсь, ты со мною согласна?

- Но они отняли у тебя, и у меня, между прочим, наше дело, наш бизнес, и ты хочешь им это простить? Они вынудили нас уехать с этой Родины.

- Медея, им сейчас очень трудно. На них ополчился весь мир. Там идет война, и чем быстрее они победят, тем быстрее на нашей с тобой Родине наступит мир.

- Я еду завтра в наше посольство в Лондоне и хочу, что бы ты отпустила Аннушку со мной.

- Это еще зачем?

- Там есть один очень интересный молодой человек. Я хочу ее с ним познакомить.

- А меня, как мать, ты спросил? - возмутилась Медея.

- Аннушке надо учиться, она будет учиться в Лондоне. Надеюсь, в этом ты со мной согласна? Она хочет быть самостоятельной. Ты себя вспомни в ее годы: кто уехал в Москву к Давоянам сразу после похорон матери, а?

Медея сдалась.

На следующее утро Рубен и Аннушка уехали в столицу.

В Российском посольстве девушка познакомилась с молодым дипломатом Кириллом Ольшанским. Молодые люди так посмотрели друг на друга, что Рубен тут же тихо отошел в сторону, бормоча себе под нос:

- Ольшанский плюс Крулевская получается любовь. Интересно, какую фамилию она оставит себе после свадьбы?

В тот же день Аннушка написала заявление с просьбой принять ее на работу в посольство в качестве переводчика.

Время летит быстро. В положенное время у молодых родилась дочка. Как всегда, гены рода Асатиани оказались сильнее генов рода Ольшанских. Молодая семья дипломатов много лет работала в разных странах и городах, на разных континентах.

Ровно через двадцать два года у дочки Кирилла и Аннушки родилась своя дочка – Маргарита. Все эти девочки в своей жизни никогда не сталкивались с маркой, на которой старинный художник Андре Моро изобразил страшного Левиафана.

***

Оглавление

От автора.....	
Вся власть Левиафану!.....	
Глава 1.	
Глава 2.	
Глава 3.	
Глава 4.	
Глава 5.	
Глава 6.	
Глава 7.	
Глава 8.	

Глава 9.	.....
Глава 10.	.....
Глава 11.	.....
Глава 12.	.....
Глава 13.	.....
Глава 14.	.....
Глава 15.	.....
Глава 16.	.....
Глава 17.	.....
Глава 18.	.....
Глава 19.	.....
Глава 20.	.....
Глава 21.	.....
Глава 22.	.....
Глава 23.	.....
Глава 24.	.....
Глава 25.	.....
Глава 26.	.....
Глава 27.	.....
Глава 28.	.....
Глава 29.	.....
Глава 30.	.....
Глава 31.	.....
Глава 32.	.....
Глава 33.	.....
Глава 34.	.....
Глава 35.	.....
Глава 36.	.....
Глава 37.	.....
Глава 38.	.....
Глава 39.	.....
Глава 40.	.....
Глава 41.	.....
Глава 42.	.....
Глава 43.	.....
Глава 44.	.....
Глава 45.	.....
Глава 46.	.....
Глава 47.	.....
Глава 48.	.....
Глава 49.	.....

Глава 50. ....
Глава 51. ....
Глава 52. ....
Эпилог .....
Оглавление.....

Петренко Александр Викторович
(псевдоним – Александр Ралот),
краснодарский прозаик, публицист и краевед;

автор двух печатных и двадцати пяти аудиокниг историко-детективного и приключенческого жанров.

«Моя матушка пережила голод 30-х годов, у нее в детстве от недоедания пухли ноги. Поэтому, когда передо мной встал вопрос выбора профессии, она сказала: «Сынок, держись поближе к хлебу, с ним не пропадешь».

И я стал мельником высшей квалификации. Работаю с зерном и мукой всю свою жизнь. Но в душе, вероятно по призванию, я историк. Люблю порыться в старых фолиантах, сопоставлять исторические факты, описывать малоизвестные исторические события. Вот и уживаются во мне две страсти: инженерная технология и история Кубанского края и нашей страны».